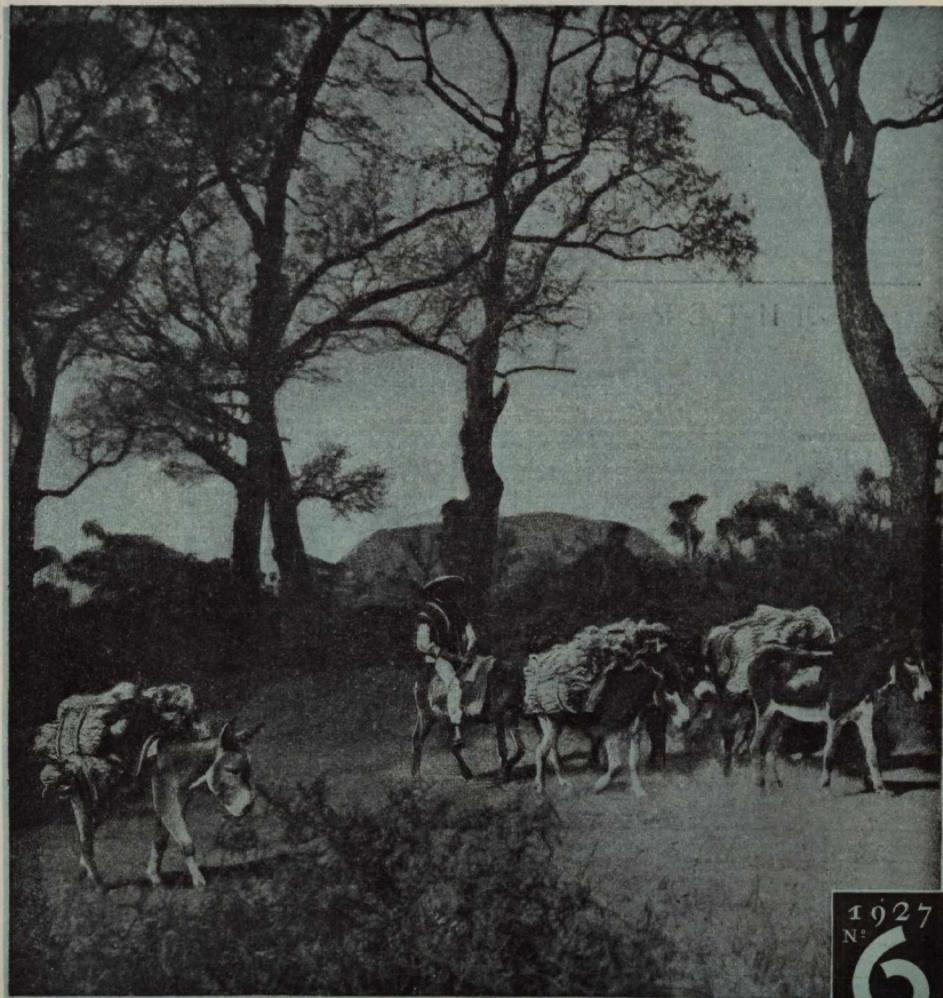


СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

2
НОВЫЙ ГОД
РАБОЧЕЙ
МОЛОДЕЖИ
СССР



В дебрях Мексики

Издательство „Молодая Гвардия“

1927
N^o 6

«СМЕНА» ОТВЕЧАЕТ

ОТ РЕДАКЦИИ. Доводим до сведения товарищей, присыпавших нам свои рукописи, что Смена НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕБНЫМ ЖУРНАЛОМ и имеет поборный разбор бодильщика присыпавшим им произведений редакция не имеет технической возможности.

Долинину (Актурино). Называется «Сенсом». Поначалу, все казалось — люблю тебя пахучий цветок, люблю тебя яблоня, люблю тебя дерево, люблю тебя автора, — что он любит — любит птичек, — в половину с пестрыми цветами... да как пишет:

«Кусты с обиженными кудрями,
Колоссы с согнутыми спинами;
И песни хриплых стариков
Про жуликов-купунов...»

Дальше опять — щипот — нечего да ханье... еще любят автор здесь же на сенокосе — забытые в неизвестных изысканиях души...

Могут быть...
О той единственной минуте,
Когда в зору лучей
Я покатался (?) к купинам...

Она шептала: нут-, нут-.

Пропавшийся целый день на сенке и подоблах (о работе на сенке), автор спешит к подруге — щекотаться...

Есть в этом стихотворении и чисто идеологический элемент.

Нашкотавшись с подругой, они отправляются на собрание комсомола.

О, ты, собрание комсомола,
Семи сознательных ребят...
Милей любого богомола
Дороже пурпурных поинт.
Твой блеск винограда
Винограда без концов...
Смотреть на тебя — как на
серенитатских глазах, а лучше — виноградных человеческих глазах...

В Черепину... — Очень это соболезнительно — взять чужой размер, закроинить «желтую» трухи, жирто пропицать и зображенить себя поэтому...
Если бы при этом покраситься на евенических и прочей заразы до трех раз иthon: чумячина, тогда можно позвалить себе и большинство друзей — погромщики...

— Рифма и рифма у меня, кажется, есть, нет знаю как с образом... — пишите вы. Постмотрим. Размечтесь, только строите, также и рифмы: жлу — тулу — по ладу.

Образы тоже новые и оригинальные — яблони, дерево, птицы, птицы, скворцы, птицы, птицы, птицы, птицы...! А темы? Из семи стихотворений 4 посвящаются зиме (Зима, Зима, Зима), Мельте, Впрочем есть одно клявленное — трактору,

радио и прочие хорошие вещи и одни — Верстасы...

Этот художник рукачом...
и калининские кудри стружек:
«Размых завинчивших кудри...»
и калининские кудри девушка —
поди же ты до чего похоже.
Писать бросьте — много у вас нечего нет...

А вы не чувствуете вы на-
шего времени?

Таня о руке... Озять мы вас рас-
шифровали. Вы терпкий — под не-
сколькими паспорты работает...

Смотрите ответ «Вечернему».

А ковелеву... — Сочи...

Пропицайшей весной под окон-
ком моя...

Две матрёшки пыщущих столы,
Как душистым вином, ароматом

Они клетку мою наполнили.
Как приятно и нежен был их

аромат...

Когда молодые поэты подражают рабам Есенину, Жарову, Бальмонту, Маяковскому и др. это неплохо, но это же уже поиздешнико. Их же, если бы они писали что-то поэты наших дней, не тем, настроения и ритмы соединены в той или иной степени экзистенцией и лирикой. Но что сказать о молодом поэте, который вместе с недалеким прошлым великих Константа, Романова и раскрытое окно, поэтом на коне, не думает?

Грустно. Больше ничего.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Черкасский
перекрёсток, д. № 3/4. Тел. 1-89-12

Рукописи принимаются, написанные на ма-
шинке или чисто от руки на одной сторо-
не листа

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ МОЛОДЫХ ГЛАВАРИН

Прогрессивные всея страны, свободнейшие!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 том.	3 руб. 60 коп.
• 6 мес. — 12 •	90 •
• 3 • — 6 •	35 •
1 • — 1 •	20 •
Отдельный №	

Полностью принадлежит фабрик Пермской
Издательству «Молодые Главарин»
Москва, Новая площадь, д. № 6/8

МАРТ

1927 г.



РЕДАКЦИЯ НАСТОЯЩИМ ОЧЕРКОМ ОТКРЫВАЕТ ДИСКУССИЮ НА ТЕМУ «ЗАМУЖЕСТВО И КОМСОМОЛ», ПРИГЛАШАЯ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ В ЖИВЫХ ОЧЕРКАХ, КОРРЕСПОНДЕНЦИЯХ И ПИСЬМАХ ОТКликнуться НА ВОПРОСЫ, ЗАТРОНУТЫЕ В ОЧЕРКЕ

Я не буду в этом очерке хвалить наших девушек-комсомолок, доказывать, что они делают и могут сделать, призвав их к дальнейшему выдвижению...

Я вижу, как часто мы не замечаем и не поддерживаем самого ценного, самого нужного для нас в молодой рабочине, и в молодой актиности, что проявляется в наших девушках-комсомолках напрекор домашнему быту, визанию условий и среды.

Я знаю одну девушку-текстильщицу, работавшую секретарем ячейки. Она никогда не считалась хорошим работником, ее никогда особенно не ценили, выдвинуть ее на основную работу в коллективе было. Для нее и немедленно — она редко выступала на собраниях, горячо говорить не умела и не любила, и вся ее работа — добросовестная и небольшая — никогда не бралась за глаза.

Я помню, было цеховое собрание. Она пришла, как всегда, первая, начала регистрацию, созывала ребят. Она волновалась, бледнела — в этот день в город приехала ее сестра... Поеzd отправляется в 7 часов... Собрание протягивается до шести с половиной... Сестру не видела три года, и сколько лет не увидит опять...

И все-таки она не ушла.

Мы часто отмечаем, что девушки находят тысячи причин, чтобы уйти с собрания, с политруками, с заседаниями — «зубы болели», «полы мылы», «доктору ходила»... это мы замечаем, это мы подчеркиваем. Но как мало мы ценим тех наших комсомолок, которые забывают личные дела для дел комсомольских, которым приходится выносить дома брань, упреки, насмешки, которые после рабочего дня и нескольких часов обществен-

ной деятельности должны выполнять дома другие свои обязанности — хозяйки, жены, матери...

Девушка с сияющими глазами

На днях я была на фабрике, где когда-то работала, и там встретила среди старых знакомых молоденькую красавицу-подружину — Варю. Мы с ней одно время работали рядом; тогда она не была комсомолкой и на все мои уговоры отвечала со смехом и смущением:

— Да я ничего не понимаю... Ну, куда мне в комсомол... — Она узнала меня. Стараясь перекрыть шум машин, я ее спросила, комсомолка ли она, работает ли она в комсомоле.

Она повернула ко мне сияющие глаза.

— Я теперь — от комсомола в кобякоро, на кооперативных курсах учуся... — и стала рассказывать, как вступила в комсомол, как стала работать и полюбила свое небольшое, нужное дело...

Дома, в семье увлечение Варей не встречает одобрения. Ее нароцко нагружают домашней работой, чтобы отвлечь от ее «кобякора», чтобы иметь случай лишний раз упрекнуть за невымытый пол, за невыстиран-

ную салфетку. Должно быть и ее пачень, с которым она гуляет в свободные часы, несмотря на свой комсомольский билет и на свою активность в коллективе, не раз пробовал ее уговорить:

— Да пропусти ты сегодня свои курсы, — подумашь, важность! Пойдем лучше в кино...

Но Варя работает. Ее глаза сияют от увлечения работой. Она не отдаст ни одного часа учёбы на курсах ради кино, ради развлечений...

Что может быть с Варей?

Варя не одна. Таких Варь не мало — мы все это знаем. Но что будет дальше с этой Варей, когда она станет старше — выйдет замуж, будет иметь ребенка...

Может быть, да и наверное, — она не захочет бросить комсомол, может быть, она будет цепляться за свое место в комсомольских рядах, за свою работу, за свои курсы. Но сумеет ли она отстоять себя, как комсомолку?

К спрашивавшему это потому, что и в домашнем быту, и даже в коллективе наши девушки не встречаются настойчивой поддержки и помощи.

Комсомолка М. вышла замуж, ушла в декретный отпуск. За это время, в перевыборы, ее заменили в бюро ячейки другой... Радостная,





М. вернулась на фабрику, в коллектив. Узнала, что она уже не считается активисткой, огорчилась, но решила снова работать и доказать, что работать сможет. Ее выделили... в юнсекцию... Там, конечно, она работать не могла, это отнимало все вечера,—а дома был ребенок, была стирка пеленок, было хозяйство... Она просила дать ей работу попроще—ей обещали: «можешь, дадим...» Ребенок заболел, пропустил два собрания... А досудийный юнкор едко прорыдал в стенгазете под заголовком «омещанилась»... Теперь эта комсомолка ушла из наших рядов...

Но бывает еще хуже, еще грубее...



могут послать... ну, хотя бы вожатым базы...

Это не требует никаких пояснений. Мы умеем говорить о цене человека, о том, что работу среди девушек нужно усиливать, улучшить и углубить,—но как часто, не замечая самого ценного, ходившего в девушки-активистки, мы ее отталкиваем, тощем ее самолюбие, ее желание работать, убиваем в ней стремление и силы совместить материество с комсомолом.

Комсомолки обсуждали и решили

Недавно ленинградские швейницы-комсомолки проводили диспут на тему «Замужество и комсомол». Они рассказали друг другу, как тяжело быть активисткой после выхода замуж, даже тогда, когда муж комсомолец или партиец.

Одна из них рассказала следующее: «Когда я вышла замуж, думала, что будет совсем иначе, чем оказалось. Муж-партиец дома оказался совсем другим, чем в коллективе. Он мне говорит: «Что же, я тебя для того взял, чтобы ты

собраниям бегала?» А когда я стала говорить, что он партиец и ему должно быть стыдно, он предложил разойтись... а это не легко сделать, особенно, если любишь».

И все-таки на этом диспуте говорили, что девушка и сама бывает виновата; не предупредив заранее мужа и подчиняясь его требованиям, что нужно самим бороться за себя, за свою комсомольскую активность, что нельзя молчаливо терпеть и ждать, когда изменятся условия быта и отношение к женщине.

Бороться за каждого члена организации

Когда в Ленинграде комсомольцы смодели «Конек Гриворыльская», весь зал аплодировал словами комсомолки Бергман, что «нужно драться зубами за каждого человека в нашей организации».

Нужно, чтобы это было так и в повседневной жизни, когда так много девушек незаметно уходит с общественной арены, когда их постепенный отход от комсомола иногда просто не замечается за «более важными» делами, а иногда даже воспринимается грубостью, невниманием, насмешкой...

Нужно, чтобы комсомол бичевал и каждого, заробатывающегося активиста, не желающего чутко отнести к комсомолке матери и помочь ей совместить работу с материнством, и каждого, хотя бы и «шибко-активного» комсомолца, который не хочет и не умеет в своей подруге жизни увидеть товарища по организации.

Упорно бороться за каждую девушку в рядах комсомола—это что нужно!



НАТАША

В тубах горячих—кровь и молоко.

Глаза не плачут ни тоской, ни гневом.

Она решала: просто и легко,

Ити, чтобы услыхать станковые напевы.

Она пришла, ругая гарь и пыль,

Ругая все горячее на свете,—

Все шестеренки бешеные эти

И дизелей разгоряченный пыль.

Сначала грусть не падала с линии,

И сердце билось девичье перноно,—

С ребенком—будет хуже работать.

Комсомолка-активистка, все свое время отдававшая работе, работала в районе инструктором по детям... Работала хорошо, ею были довольны, а когда ей надо было уходить в декретный отпуск—это отпустили. Прошло 4 месяца—она с удовольствием пошла в район работать... Но в районе ее встретил удар. Ее заменили, постановили «отпустить с работы», ее заместитель оказался лучшим работником, чем она, но что ее

могут послать... ну, хотя бы вожатым базы...

Это не требует никаких пояснений. Мы умеем говорить о цене человека, о том, что работу среди девушек нужно усиливать, улучшить и углубить,—но как часто, не замечая самого ценного, ходившего в девушки-активистки, мы ее отталкиваем, тощем ее самолюбие, ее желание работать, убиваем в ней стремление и силы совместить материество с комсомолом.

Комсомолки обсуждали и решили

Недавно ленинградские швейницы-комсомолки проводили диспут на тему «Замужество и комсомол». Они рассказали друг другу, как тяжело быть активисткой после выхода замуж, даже тогда, когда муж комсомолец или партиец.

Одна из них рассказала следующее: «Когда я вышла замуж, думала, что будет совсем иначе, чем оказалось. Муж-партиец дома оказался совсем другим, чем в коллективе. Он мне говорит: «Что же, я тебя для того взял, чтобы ты

Они трубы и очень кладинокровны—
Родных машин чугунные сердца.

Здесь горячо под тысячами струн,
Леса ремней, прихлопывая, пляшут...

...Но дикий цех—железный говорун—

Обнял веселым гоном Наташу.

С утра гудок прорезывает даль,

Силком себе выматывая слову...

Точи, резай, поблескивая, плавай,

И торопи горячую спираль...

Георгий Рязань



Нам пишут, что на Лопатьевском чугунолитейном заводе случилось происшествие, глубоко взыскивавшее местную общественность. В клубе вечером, соединенным стараниями местного и ичей комсомола, сооружены были увлекательные политигры. В этих играх приятное сочеталось с полезным: молодежь, играя в политфайты, одновременно, сама того не замечая, приобретала познания в политэкономии, историческом материализме, географии и истории.

Общее веселье было испорвано недостойным поведением комсомольца Глазунова, который, из просьбы руководителя — принять участие в игре—заявил грубо, что «гость она все сдохнут». Когда стали его распределять на причины такого странного и неодуманного отношения к клубным развлечениям, Глазунов обозвал руководителя дураком. Он угрожал всем в своих блужданиях, и его заподозрили в идеологической невежестве и неподготовленности. На заседании бюро ячейки ему был вынесен строжайший выговор, а жесткий рабочий, на которого никогда не уставало обличать и клеветать, предал поступок Глазунова на суд гласности перед стендагом «Лопатьевский литец». С тонкой и убийственной ironией статья разоблачала Глазунова, как оторвавшегося, разложившегося, заржавленного предрасудками мещанской стихии, и Глазунов должен был бы сам ужаснуться, увидев беспаристое отражение своего пристрастия обличка.

Но прежде, чем сказать о Глазунове последнее слово, нам хочется рассказать об этом постороннем предмете — об электрической лоске в вопросах и ответах.

Мы видели её в одном из клубов, — это была поистине умная, адекалная выдумка. История молчит, кому принадлежит изобретение этой машины, и комсомольцы клуба «Октябрьские исходы» не знали, чье имя должны они присвоить. Ни у него, ни изобретателя, несомненно, была крепкая голова.

Мы оптикли эту машину обективно, без всякого личного, предвзятого чувства. Это была широкая доска, аршина два шириной и полторы аршины в высоту. Справа были наклеены вопросы:

- Ну?
- Диктатура пролетариата?
- Военный коммунизм?
- Фашизм?
- Империализм?

и так далее. Под каждым вопросом была медная кнопка. Справа были наклеены ответы. И под каждым ответом — тоже кнопки. Сбоку извилины провода, а сверху над доской была винчена замочка.

ПЫТКА ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ

Фельетон ВИКТОРА КИНА

Тут же на стене числило объяснение, как пользоваться машиной. «К доске», — гласило обяснение, — взыскивается один из присутствующих. Он берет два конца провода, одним касается кнопки вопроса, а другим — кнопки ответа. Если ответ указан правильно, наверху загорается лампочка.

Неудачные ответы вызывают веселый смех. Ответившие правильно получают право пользоваться доской вне очереди.

Перед этой доской сидели должны пополнять комсомольцев и комсомолок. Вид у них был убитый, точно все они сидели на похоронах близкого родственника.

И руководитель прямо-таки убивался, чтобы визант хотеть тему улыбки у своих зрителей.

— Ну, как же, ребята, а? — говорил он. — Чего ж жал? Нефедов, скажи нам, братец, что такое иди?

Нефедов скривился и подошел к доске. Вид у него был совершенно измученный. Он взял в руки два провода — один надо было прислониться к кнопке с надписью «изв», а другой — к кнопке ответов. Он потянул шнур десять кнопок, но лампочка не загоралась. Руководитель хохотал, раскачиваясь и вытирая слезы. Это не был обычный человеческий смех. В нем звучали потык и отчаяния. По расписанню надо было играть, забавляться, бешено веселиться — и он делал все, что мог. Это был честный, старательный человек и в своей работе относился добровольно. Некоторые из состраиваний тоже засмеялись, ниногат отглядываясь на остальных.

— Не знаю, — сказал Нефедов, опуская руки и глядя на пол. Тогда руководитель выныпал другого.

— Савельев! А ты?

— Я не пойду.

— Почему же ты не пойдешь?

— Я уже играл сегодня.

— В политфайты играл. Устал, как собака. Другие тоже, склоняясь к плюшевому печеру, лодыряничают, а ты за них играл. Я тоже не каторганий.

— Верно, — поддерживает его остальные. — Это ни на что не похоже. Одни играют, как ломовые лошади, а другие с дечонками балуются или в уборной отсиживаются. Надо бы изложить подобные явления.

Руководитель успокоил их и вызвал нового человека — товарища Углова.

— Ну-ка, покажи нам, что такое иди?

Новый человек сразу же сделал ошибку. Он начал думать. Этого нельзя было делать ни в коем случае, — у машины были свои, непостижимые логики.

Он прикоснулся одним проводом к кнопке «изв», а другим стал искать ответ. Первым

ему попалась кнопка «Политика Совнархоза», но лампочка не загоралась. Очевидно, иш — что-то другое. Потом он нашел надпись «Дорога к социализму» и даже задрожал от возбуждения, — напрасно, потому что «Дорогой к социализму» оказалась на доске «Кооперация», а не «изв». Далее он наткнулся на Залог рабочего класса и тоже без искога усмехнулся. «Залог победы» была «Смыка города с деревней». Он тронул кнопку «Возрождение хозяйства», но лампочка не загоралась.

Все стояли мрачные, подавленные странным упорством доски. Если «изв» — политика Совнархоза, и не дорога к социализму, и не залог победы рабочего класса, и не возрождение хозяйства — то что это такое, в конце концов?

Руководитель давно устал смеяться и только стабо вз坚持不懈 для неудачных ответов. Никто не ждал, что из этого что-нибудь выйдет, — и когда вдруг ослепительно вспыхнула лампочка, это подействовало, как взрыв бомбы. Все вздрогнули.

— Что такое иди? — спросил руководитель, ободрившись. — Читай громче, чтобы все слышали. Тиши! Достаньте гетры и занините. Это очень важно. Слушайте внимательно! Петров, обегай в сопливую комашу и скажи, чтобы пионеры не шумели. Позовите тех, которые ушли курить. Ну! Что такое иди?

И среди настороженной, чуткой тишины Углов громко прочел данный доской ответ:

— Историческая необходимость.

Самое слабое место в нашей воспитательной работе — это плохой лектор, крет, который утомительна, скучна, лишена всякого человеческого чувства. Сколько раз сравнивали его с говорильной машиной, это сравнение было настолько справедливо, что кому-то пришла в голову мысль и в самом деле заменить его машиной — настоящей машиной, с кнопками, с программами, с лампочками.

Эту выдумку, пожалуй, можно было бы вытерпеть, как наказание или несчастье. Но когда в неё надо играть, когда посыпят уже на смеши, на развлечении, это становится невыносимым. Да в Айт, наконец, и начнем смеяться в весело, полноигрально, это великолепное и прекрасное умение совершенно необходимо для наших ляг.

Я противная вам рука, дорогой товарищ Глазунов, как брат, и становлюсь рядом. Пусть мы вместе примем на наши плечи и негодование руководителей, и выговоры бора, и губительную ironию стенной газеты. У меня не хватило тогда власти называть дураком изобретателя доски, но теперь я стыжусь своей слабости и присоединяю свой голос к нашему.

45.000 КИЛОМЕТРОВ НА ВЕЛОСИПЕДАХ

(Мы в дебрях Мексики)

Наброски путешественников А. КНЯЗЕВА и И. ФРЕЙДБЕРГА

В среду, 1-го июля выехали из Москвы два студента института физкультуры — инт. Фрейдберг и Князев, с намерением "шагать на велосипедах вокруг земного шара" — из Москвы в Европу, через Сибирь, Дальний Восток, Китай, Японию, Мексику, Кубу, Панаму, Гватемалу, Германию и Польшу. Во все время своего путешествия средства для жизни они добывали собственным трудом и, попав в Мексике в тяжелое материальное положение, приужнуждались быть поступать на работу в Русскую Научную Ботаническую Экспедицию, направлявшуюся в Южную Америку и глубь Мексики. В настоящем очерке «Смены» дается описание поездки наших физкультурников в качестве технических работников при этой экспедиции. В следующих номерах «Смены» будут напечатаны другие очерки, рисующие другие отдельные, наиболее яркие моменты этого интересного путешествия.



Поселок Ля-Пальма

Из города Мексика экспедиция должна была по желанной дороге доехать до небольшого города Тапачула, стоящего почти на границе Мексики с Гватемалой, оттуда сделать экскурсию на одну из знаменитых плантаций близ берегов Тихого океана и, возвращаясь обратно, проехать горными районами штата Чьяпас и Табаско вплоть до города Тампico, где мы должны были еще на пароход, наутро до порта Веракруса.

К пальмам, кактусам и многим другим растениям сухого климата жаркого меса мы уже успели приспособиться, и поэтому из сам города с его жителями, так и из окрестности почты никаких новых впечатлений не было. Жарко, жарко, и если бы не подготовка к предстоящей поездке, были бы наше скучно.

Единственное, что нас развлекло два вечера, проведенных в этом месте, это интересный, чисто местный музыкальный инструмент — маримба. По своему устройству он очень похож на деревянные перкуссионные коробки с разноцветными пластинками, когда пальцы ног им подбивают.

Здесь же это — большой инструмент со множеством клавишами, приспособленный для игры на нем несколькими коробки с разноцветными пластинками, когда пальцы ног им подбивают...



Лагерь экспедиции

Закодаль — резиновая плантация, куда мы приехали из Тапачулы — стояла в нескольких верстах от разъезда железной дороги.

После десятины неподъемных, построенных на земле, будущих домов, в которых жили раньше, были со всех сторон окружены высокими здоровыми деревьями.

Здесь мы наблюдали, как при помощи надрезов коры деревьев лобызился густой, молочного цвета сок, дающий после некоторой обработки каучук, который уже для выделки галоши, шин и всяких других резиновых изделий.

Еще до рассвета выходят рабочие в этот лес, вооруженные специальными ножами для

в которые по сделанным желобкам стекает эта жидкость.

Работа скользкая, но с такой организацией оплаты, что даже при напряженной работе выработка больше, чем на две рубли в день, почти невозможно. Здесь же большинство рабочих индейцы, которые вообще довольно слабы в работе, и поэтому обыкновенный дневной зарплаты — одна рубль — давать нечего.

После двух недель работы из сорока наблюдаемых наработий лоджия была покинута, а мы переделились добраться до берегов Тихого океана.

Часть пути можно было проехать на волнах. Нагрузив деревянные бочки с водой, большими багажом, мы выехали из пределов плантации по направлению к реке Нансинапе. Дорога, по уверениям местных жителей, была короткой, на самом же деле, это была очень неспешная прогулка среди густого тропического леса. Нансинапе, очевидно, называлась потому что наши волы почти через каждые 10—15 шагов приходилось перетаскивать телеги через стволы громадных саваннившихся поперек дороги деревьев.

Во время этой дороги мы поняли, почему здесь употребляют очень большие, большие человеческого роста в диаметре, колеса. С колесами хотели бы, чтобы машина такого размера было бы совершенно невозможно преодолевать эти первые препятствия.

В начале дороги мы уселись поверх багажа, но очень скоро приужнуждены были спеть и ити пешком, так как потряхивать очень опасительно, и приходилось все внимание употреблять на то, чтобы не упасть с колес, не ушибиться о возможных лиан и веток, постоянно падавшихся за голову.

Наши ботаники, не уставая, бросались от одного растения к другому, определяя



ВВЕРХУ: «Науна» — сгобная пищевица ВНИЗУ: Ранний крокодил



Мексиканка с Земли

их семейства и виды. Мы же, нацепив на голову купленные в Закульске высокие остраконовые соломенные шляпы, упражнялись в руках мачете и помогали в сортировке индейских образцов для гербария.

Вначале мы пробовали прорыться глубже в лес, но, после нескольких прелесторечий наших проводников о большом количестве индейских наскоков, решили ограничиться встречающимися по краям дороги растениями, тем более что в это время в лес не ходил никто, кроме нас. Но и это не помогло, потому что нашими волыми через каждые 10—15 шагов приходилось перетаскивать телеги через стволы громадных саваннившихся поперек дороги деревьев.

О том, как тропический лес может увлекать и увлекая, подстерегать даже опытных людей большой опасности, я узнал в нашей поездке по Колумбии.

Вот случай. Как-то, оставив позади нашу экспедицию, мы пошли вперед, чтобы пройти деревню, чтобы до ночи посетить один индейский поселок, известный своим секретным производством особого питательного вещества (коко), употребляя который в очень небольших порциях, человек может сохранять свою работоспособность в течение 4—5 дней без всякого другого питания.

Через час такой еды мы увидели, что времени у нас остается совершенно достаточно, и так как по дороге нам попадалось много каких-то неизвестных фруктов и растений, решили задержаться немного и посмотреть их поближе. Привалившись к каким-то громадным листьям, окраинами которых были расчленены себе дорогу мачетами, позади к стоявшему недалеко в стороне дереву, сплющеному огромному небольшому золотистому плодами. Сев на несколько минут, оказавшихся нам уже знакомыми плодами и рассматривая другие деревья и растения мы незаметно отошли в сторону от тропинки, шагов на 200.

Капало, что все было тихо и спокойно, очи может быть, что мы бы скоты так же не торопясь, вернулись к коням и поехали дальше, но в это время С. М. заметил довольно высокого инсийца на дереве, большую плод и высокий на него палкой.

Это было как бы сигналом. Со всех сторон на нас громко прокричали всевозможные плоды, фрукты, сучья деревьев и пр. Мы уже были жителями стран неожиданности и опасностей. У каждого из нас на поясе, слушающем в то же время и патронации и хранилище денег, висело по громадному пистолету. Закрытая левые руками головы от всякой дряни, большую струю пота, вытекающую из носа, мы бежали по скользкому разверху. Потчи моментально прекратился обстрел, и выпарившись, мы смогли увидеть удирающих врагов. В лесу снова стало спокойно, если не считать довольно громкой рутины моего спутника, у которого оказались выпадающие зубы.

Потом разумелые места и спасаемая разинши и прилипшие к одежду фрукты, мы вернулись к лошадям и поехали дальше.

Довольно скоро добрались и до поселка, но, к сожалению,—нам это, впрочем, бывает почти всегда при первых встречах индейцев с белыми,—нас приветствовали очень недоверчиво и, несмотря на все наши старания и различные подходы, узнали что-нибудь о питательном растении нам не удаля...

сели прямо на землю лодок и супривились в пути.

В начале дороги река была очень узкой и во многих местах настолько заросшей разными водными растениями, что даже узкие проги лиши с большим трудом могли пробираться вперед.

На ветвях деревьев, росших на берегах, постепенно то появлялись, то исчезали большие, часто доходящие до 1½ метров игуаны. Большие и маленькие птицы всевозможных окрасок склонно посматривали на проходящие мимо лодки. Здесь на них никто из людей не охотился, поэтому они нас совершенно не боились.

Но вот вдруг одна из птиц стала шире, чище, и сильно изменился характер берегов.

Теперь мы уже ехали между двух стен мангров зарослей.



Индийцы-носильщики

согласился сразу. Даже возле берега подняться сквозь чащу было трудно. Наш спутник привычными движениями пронзил себе дорогу, одной рукой отклоняя ветви и длань; другая рука его держала крепкую, заостренную с двух концов палку, с помощью из дерева очень прочной пальмы. Следом за этой палкой была обмотана стальная проволока в доску, которая...

Черные, как уголь, глаза Педро—так звали охотника,—скользя листу вспыхнули в пещаную отверстия на противоположной стороне реки, где виднелись какие-то обгоревшие бревна. Они были разбросаны в беспорядке. Их было пять штук, или, скорее, пять пар, если судить по размерам.

Дальше виделся основной жаркий. Мы дышали, двигаясь от нещадного опущения сухости в горле и сырости на теле. Все белые наше были мокрым и прилипли к телу; с загоревшего лица и руки струился пот, так, что мы едва успевали снять с головы платок. На колумбийской земле отсутствовало море и уединение, стекла мокрой пражи страха индейца, так был первоклассный груз принадлежности для охоты.

Наконец, мы пришли к месту охоты. Педро сбросил трос на землю и, вытащив из кармана приманку, стал приготавливаться к охоте. Мы тоже сидели на земле, ему чем-нибудь—он же стомоктенилине предложил и сердито бросил: «despés!, despés!»—то есть... Он привез три охотничьи крючки с громадной, высокой сеебе (название деревьев), а другую с палкой чечевицей.

Передо мной в песке полуметровую палку, на кончике ее к реке, и надел на верх ее куски мяса. Затем крепко взял и правую руку конец троса и склонил ее за дерево, взглядом и легким кивком подтвердил, что все готово. Тогда я, схватив палку, с удивлением заметил, что безоружные обгоревшие бревна, разбросанные на противоположном берегу, стали живыми. Они медленно приподнялись на две четверти от земли и неуклюже поплыли в воду. Это были кайманы. Длинные—до 3-х метров—эти бревна спустились в воду, оставив на песке отпечатки от подвешенных хвостов. Отмель опустела от индейцев, спасавших от них на поверхности реки поплавки для ловли крабов коробочки черного цвета. Одна из них скоро исчезла.

(Продолжение на стр. 20)



Индийцы с ребенком за спиной

Часы к трем дня экспедиция добралась до стоявших недалеко от берега реки трех хижин с крышами из пальмовых листьев и с живущими в них рыбаками-индийцами. Дальше нужно было ехать уже на лодках, и как это было я не знаю для приготовления к этому пути ничего было предвидено, пришлось остановиться здесь на ночлег.

Выбрали место, сгребли с телеги багаж, разбили палатки и присели за приготовление ужина. Надо сознаться, что, так как это был первый опыт лагерной установки в тропиках, то мы сумели уединить скромным селением из трех хижин с крышами из пальмовых листьев приближенных индейцев только через два часа.

Настроение у нас было бы совсем торжественное, если бы не было так душно и так много комаров, для которых наш приезд тоже, очевидно, был большой радостью.

Всю ночь мы спалились с рыбаками о зорьке на лодках на озии или прибрежных островах и удачливо спаслись от комаров.

Большине, хорошие лодки, о которых шел разговор вечером, утром оказались проплытыми дубленщиками, т. е. рыбаками, которые, проплытыми дубленщиками, проплытыми с овалом вспомогательных снастей, снастями одновременно и для гребли и для управления. Подергавшись каждую минуту на озии, опасность спалилась вместе с каким-нибудь ящерицей в воду,

Совершенно неожиданный вид у кантонных деревьев. Они пускают корень чуть ли не из середины дерева, и часть этих корней уходит в воду. Благодаря густоте такого леса, берега, земли совершенно не видно, и получается впечатление, что дерево стоит в воде на каких-то громадных шумальных.

Здесь же появляются новые виды птиц, оказавшихся, по заявлению наших гребцов, следованными, В. Р. Жиганого достал свое охотничье ружье и началось жестокое избиение инициатива не оставила от нас никого из ка-каких-нибудь неприятностей, птиц.

Становилось довольно жарко. Опускать руки в воду и черпать ее опасно: в то же время очень много аллигаторов—могут скваты.

Интересный эпизод с охотой на кайманов (камыши, так же, как и аллигаторы,—из семейства крокодиловых) мы перенесли в Колумбию. Расскажу, кстати, как это было.

Молчать и не мешать,—произнес на ходу среднего роста индейец,—весь успех охоты только в этом.



Индийские народные танцы

На первом базе панамского штата, разный пыль, и белые пальмовые листья. На ногах—легкие кожаные сандалии, а выше украшали револьвер с патронами. Шляпа была покрыта платком темно-синего цвета с желтыми краинками. В правой руке он нес все для охоты на крокодилов, которые в изобилии водились на реке Магдалене, главной артерии страны Колумбии. Побережье было покрыто тысячеверстиями пальмовых островов, напоминали густые, непроходимые тропические леса. Селения на реке попадались очень редко и большей частью это были сложенные из хвороста и покрытые пальмовыми листьями временные палупы охотников.

Десять минут тому назад я и Фрейбергер только что вышли из такой лачуги, выпросившись у индейца сопровождать его, на что он



Стены кактусов. С велосипедом—т. Кнаве



Мулы без грузов

АНГЛИЙСКИЕ МАШИНЫ И... БЭЙРАХ

Очерк С. БЕЗБОРОДОВА

Не ладно что-то

Когда машины были собраны и их попытались постичь, ничего путного из этого не получилось. Где-то в утробе глазок, блестящие щеки, неподорванные и изломанные коленчатые шкивы, что-то судорожно было, скрипело и замыкалось, все это суетливо и бесполезно вращалось.

Старый инженер-механик с деревенским разводом лицом лежал на животе под станиной и долго лежал там, повернувшись на спину, и пристально гляделся в заупрямившееся кружево гаек, винтов и колесиков. Потом, соня, был молотком что-то никому неведомое, отчего стог ногти, торчащие из-под машин, судорожно дергались и затихали.

Фабриканты, сбившиеся с ног и ошеломленные неудачей, смирились: моядлы, с тоской поглядывая на черные пятки мастера, торчащие из-под ватерии машины. Мастер вылез из-под машины, не спеша отряхнул пыль с живота, осматривался и говорил: —А ну, дайка еще раз.

Англичанка гадит

Рабочие приходили, останавливались перед зеркалом, смотрели, как старик хочет «обуться» английскую машину!.. Гадали—пустят, не пустят? Некоторые, наблюдая женщины, высасывавшие подозрение, что англичанка нарочно прислали такую свалочку—пустят, мол, показали собрания.

— Офигеть просто!—говорил подутухой ткак, с рожью щетиной, росшей из носа!.. —Ни только бы с рук сбагрить. Думают—если, мол, сойдет для России, что ни дай—все спасено.

Другие держались резко противоположного мнения. Особенно тяжелым. Приходили они, звонко щелкая пальцами, с фонариками, хватаясь за щеки, ссыпая на ресницы, сплюснув разрывы об английских козниах, говорили, не без хихиканья: —Сами-то хорони бояль! Все им англичанка гадит. Нагнали струеками машину собирать, нет, чтобы настоящими мастерами позори позори! Их в кошачьи машины бросают, а ватеры довусают, прости, господи.

Струеками— они же фабричата, собирающие под руководством мастера новые английские ватеры, делали вид, что этих ехидных выдали не замечают и проносят, жалеют интерес к тому, что лежала на боку под машиной, делая их бригадир.

То ли было что в машине такое, что не знал набывающий из сил бригадир, то ли наизнанкула в самом деле англичанка, но мастер принял обличье старого, изуродованного села на измученный стул, не спеша засунул скверную папироску: «ах, отдай ее» и, ловя на себе сочущиеся ногтями толпинившихся рабочих, сказал печально, но твердо директору:

— Значит, не пойдут ватера. Не ладит что-то... Отять же конструкция...

Карандинщиком по деталям

Мастера приехали не скоро. Были они в «шпарниках» kostюмах, весело ульбались и курили.

О, подожди!.. Сдела руку с мастером, чтобы сказать ему, весело ульбаться (мастер толкнул краину на полес с платком), и начали обматывать машину.

Осмотревали долги. Писали карандинщиками в записных книжках, бойко говорили на чужом языке, сплетали, пересыпали, обматывали колеса, шинковали, изглаживали в отдельные детали и стучали по ним карандинщиками. Мастер успокоился, закрепил на насадивших фабриканты—«Господи! прямо на человека лезут! Нечего глядеть—не народные же мы!»

Вечером выяснилось, что надо что-то-то, а машинки и исправить и заново собрать их при иностранцах.

Семеро с бригадирам

Бригадир собрал фабрикантов и на утро занялся работой. Всемобщая фабрика делала сборку на глазах у «знатных иностранцев». Бригадир, сорвавший от волнения голос, недиктаторски пытался что-то объяснить заморским коллегам, но будучи в корне неизвестным последним, бросал это и рискочил на помощь похудевшим затылкам.

Не хуже, чем у них

Через 48 часов ватерия машина была собрана. Несколько рабочих, сидя в креслах, смотрели на машину, туже в 48 часов—модели ли было ожидать, что где-то в Среде семь подростков с одним лином мастером покажут такую первоклассную машину! Бригадир, неудачно пытаясь скрыть ликование, говорил что-то про «затраты» на машину, будто бы благо наядено!.. Если бы не конструкция, будто бы наядено! Сборка у нас, как следует. Форменная сборка—ребята у меня работают умеют!

Машины пошли... Когда гости уехали и спрятали узелки, ткаки, голосами, привыкшими надираться в гаме и гроте ткакий, говорили, похлохоньша бригадира по плечу: «Форменная сборка! Сборка настоящая!»

Другая Середа

Но есть в Середе иные люди.

Я сидел у следователя середского нарасхват, напротив меня сидел юноша, чью жизнь попытала бы заглатнуть темные силы, «иные люди» Середы.

Бэйрах разматывал нервным движением сигарету на затылок кожаную финку и заговорил, перебрасывая себя и торопясь, точно я мог его бросить и не дослушать:



Не живы у Бэйрах, а... сахар!

Бэйрах и сахар

— Я же спался из всех сил! Бывало что-нибудь... На родине у нас тоже много евреев и русских много тоже, но никогда ничего не слыхал там. За человека считали. Я приду, плачу, скажу, что я еврей, и они меня не забудут. А брат говорит: «Ничего, терпи. Кончишь выслушать, уедешь». Я все терплю. Я бы так никому не сказал, если бы сам не узнал. Очень мне обидно показалось, говорят—сахар у理解和 я сахар, у своего брата-рабочего?

— Да что они мне в этом скажут?

Бэйрах сплюхнул на пол, сидя на полу, думает, четверть секунды улыбается, четверть смущается, вскидывает шапку еще больше на затылок и говорит:

Противные лица

— Разве я знаю? Я же-же не знаю! Может быть, им мою лицо противное было?

Я тщетно пыталась потом вспомнить, где это я смысла о «противных лицах» и, наконец, вспомнила: на заводе-проекте о новых ограничениях на производство сахара. Собственно, славный русский монарх Николай II собственными словами наставлял: «Евреи, покидающие черту оседлости, ежегодно направляют части местности Сибири в оном прорубленном и линии амми. Этого можно не делать, но не может быть никакого изменения».

Много бы дал доктор Дубровин, если бы предстал перед сокольской русской народной, за таких молодцов-погромчиков, которые барабанились в мундштаках и изглаголяли ученика Байракара. Эти громыки прислали на советскую фабрику тяжелый дух царской мастерства.

«Коммунист» Мельников и К°

«Коммунист» Мельников в присутствии рабочих чинично и прямо заявил: «Я бы первый понес стрелы эпидемии племя».

А в окончании такой страстной беседы Мельников, Боронин и др. пропали свои чернолицентные сильы из одиноком, раздалленном, терроризированном, беззащитном Бэйрахе.

Иностранцы и безобразный дентель-ночник, измученные, изменившиеся, начали цепляться и тусклись. Сидя в Средском доме заключения, они, извергнувшись, с грустью осмысливали свое положение паршивых онцид в пролетарской семье.

Середа забылась в склонные исabra. Отойдя на дистанцию верст, и покидают леса непролазные, дикие, спутанные. В Середе три месяца тому назад, с милостивым разрешением градоначальства—начальника местной милиции, бородатые люди в синих подпетках ходили по домам и фабрикам, переписывали прописки с места их христианской жизни. Присяга и обявление. А ну, что здесь правомственные христианы, волхвы регистрироваться! Инонорки и прочие пусть у «всесоюзной переписи», а наши православные пусть уж...

На какой престол была затеяна христианская перепись—ненасыщенно, наверное, и нарывынули милиции, но в городах говорили разное и неодобрительно почесывали головами...

Странный вея-таки городишко.

Как-то притянулась под красными дрожжевыми корюшками фабрик тяжелая черная жизнь—с подъездом, магарами, затвердевшими и истекающими, когда бубновый атака уже выросла между этажами, и улицы, с фонарями, надирающимися, чтобы «утереть ноги англичанам» («сборка у нас настоящая!»), с бригадирами, наглоухо приросшими к рабочему дому, с комсомолом, юнгой, трудом?



РАССКАЗ—ИГРУШКА

МИХАИЛ ПРИШВИН

М. М. Прянишников — один из крупнейших современных писателей. Его творчество отличается глубоким своеобразием, художественной за-
полненностью и крепким и радостным опущением жизни. Прянишников работает в литературе уже более 20 лет, включая на литературную дорогу в эпоху революции 1905—7 гг. Талант его непрерывно расширяется и совершенствуется и особой силы достиг в наших дни.

М. И. Пришвин родился в 1873 г. В автобиографии («Сборник Насыпей», Москва, 1927 г.), он говорит о себе, и о своей жизни: «Я юноша был образованный для инженерства — революциониста...». И continua: «Я состоял в крупном архангельском болеславьевском — кадетском — обществе Василия Даниловича Ульянина. Фабрикант портной сам стал в Риге, в уезде в Лифляндии, где при университете открыл курс архитекторов. Но вскоре вернулся в Россию и занялся архитектурной деятельностью года полтора. Но в это самое время и занимался изучением народного речи. В 1905 году и бросил на-

метод агрономической деятельности, отыскавший на север и западе книгу: "В краю земледельческих этикет". Несколько лет, на следующий год, был написан "Календарь", затем через год — "Установки града земледельческого". "Черный азбука". Вместе с тем, в поисках рассказов, повестей, картины, "Иван Старожиловский", "Бургомистровская звезда", "Литературные вклады" и так далее до недавнего времени "Бургомистровка". Сами они и распечатывали

Эта новая Пряжка остается в литературе прозрачным образом, с поразительной именностью, выразительной и синтезирующей способностью, это детство, процесс формирования его интегрированного смыслового мира, его звучание готовность бороться с межличностным взаимодействием и несовершенством и талантом его речи, или художества. Пряжковые интересы и цепи в поэзии становятся темой, как герой-макетатором и исторогородом маленьких -выработанных в себе микромирозданий материалиста. Четыре части этих поэзий (изделия ремесла) выпущены в текущем году под названием: «Помощь для...

и в более широкорадикальных материалах, «одни части этих новостей (все романы, опубликованные в 1927 году под псевдонимом «Андрей Козлов») — узаконение таланта Пришвина, переход и тоже о человеке и его сущности. До «Курмышки» писатель касался этой темы вторично, как бы издалека, ограниченный сюжетом

ПЕЧАТАНАЯ РАСКАССА М. МИЩИНА, В КОТОРОМ ПИСАТЕЛЬ ВСКРЫВАЕТ ПРОЦЕСС СВОЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ, ДАКАН ПРЕДПОЛАГАЕТ ЭТИМ ОТКРЫТЬ СЕРЬЮ ТАКИХ ЖЕ ИНТЕРЕСНЫХ АВТОРСКИХ ПРИЧИН.

НИЙ О „ГАННЕ“ ТВОРЧЕСТВА.

Позвольте в этот раз, молодые товарищи, рассказать вам, как я написал свою последнюю вещь, и таким образом немножко рассеять суетный туман, окутывающий литературное творчество. Я этим не хочу, конечно, сказать, что знаю метод писательства и могу всякого научить писать рассказы, подобно тому, как всякого можно научить писать газетные статьи или вязать чулки. Нет, бездарному нельзя сделать художником слова, но для начинающих талантливых молодых людей я считаю своим долгом раскрыть закулисную сторону своего писательства; для некоторых она может быть и поучительна.

Я выбираю для анализа свой последний рассказ, потому что черновики его еще лежат на моем столе и я могу с точностью передать здесь все обстоятельства возникновения этого рассказа.

Было это в декабре прошлого года, мы отправились с моим младшим сыном в село Васильевское (18 verst от г. Сергиева) на русаков и заночевали там у одновременного охотника, Ильи Ставоры. Известно, каким у наших крестьян почека, какое жилье у них есть, это еще долго будет в нашем народе: придет грамота, придет достаток, а спокойное жилье придет только под самый конец. Часто наблюдалось, что завелась у мужика денежки, вот бы поскромнее выдать dochь, а остальное бы употребить на устройство горниц. Нет, он все прогуляет на свадьбе, пустит пыль в глаза; потребность в лучшем жильице у некультурного человека стоит далеко в хвосте всех его желаний. Вот и залегли мы у Ставоры на полу, на соломе. Последние избы горела железа, вокруг укладывались все другие члены семьи— взрослые и мелкота.

— А где же ваша собака? — спросил Старов.

— Ну, это не дело, собака целый день гоняла, а вы ее на дворе оставляете.

Ребята закричали:
— Давай, давай сюда!

Я обяснил хозяину, что Соловей всегда живет у нас на дворе и за чистоту его в жилище не могу поручиться.

— Я поручусь,—ответил Илья.
И вышел с Соловьевым. Мы, конечно, легли, не раздеваясь, и потому, когда Илья замешкался, мне ничего не стоило вскочить и выйти: я подумал — не пропал ли уж Соловей? Но Соловей, оказалось, не пропал, а это Илья родил его на ве-

вочке по улице и у каждого дерева ему посвистывал, как лошадям, и уговаривал. А Соловей в ответ у каждого дерева поднимал ногу и оставлял свою обыкновенную сабачью заметку. Так было долго; наконец, Соловей перестал делать заметки. Илья сказал:

— Теперь пойдемте, теперь я за него поручусь.

И, действительно, Соловей вел себя прекрасно. Вечером он лежал на соломе у них ног, утром мы увидели его в обнимку с детьми. А когда пришло время нам уходить, то дети прощались с Соловьем, как с дорогим им существом. Так осталась ночка в этой дружной семье и продолжала очень хорошим воспоминанием, и я должен был рассказать о ней так подробно, потому что именно эта ночка впоследствии настроила меня на родственное внимание к рассказам Страворса.

Проходит месяц, другой. Мне повезло в моих литературных делах, до того повезло, что я нашел время заниматься литературой без оглядки на горорар. Такой совершенно бескорыстной литературой я считаю писание детских рассказов. Известно, как пишут эти детские книжки: пишут разные добрые люди, родители, бедняки, все возможные детские спеси и алисты, не чувствующие себя в силе написать для взрослых. С моей же точки зрения, детский рассказ, особенно для совсем маленьких, — труднейшая литературная форма: роман, пьесу, по-моему, гораздо легче написать, чем детский рассказ. К трудности по мастерству, при соединяется затмение понимания рассказов для детей у взрослых, у издателей, певакторов. Все они думают, что детский

рассказ — пустяк. Детский рассказ обычно — явно коротенький; а оплата его поистине или посторонней. Чем больше растягивает автор рассказ, тем больше он получает, тем короче пишет, тем меньше. А вспомним, где мы слышали самое сильное слово? Конечно, в беззмовном труде, где-нибудь на покосе или на постройке моста, когда по одному слову вожака все приходит в движение, все повернется. В работе ритм определяет слова, в детской литературе — яркие цвета, потребности чинного автора.

Почти двадцать пять лет тому назад я начал свою литературную деятельность с писания детского рассказа. Я привнес свой первый рассказ в журнал «Родник» и получил большое одобрение редактора; он просил меня дать другой. Но как я himself, другой рассказ не выходил. Это спасла мэрия — стала лоббировать средства

существования писанием в газете и бросил детский рассказ до счастливой возможности заняться им без отглажды на время и гонорар. Мне пришлось ждать этого почти двадцать пять лет. Только в этом феврале я продал свои сознания, издастельство обязалось доставлять мне ежемесечно средства существования, и я вернулся к осуществлению своего заветного желания—писать детские рассказы.

У меня мелькает в голове что-то вроде плана. Вы, несомненно, знаете замечательные детские игрушки безымянных художников из народа. Возьмите хотя бы игрушку "мужик и медведь", стоящих по очереди молотком. Ведь зачем занять, чем гениальна эта игрушка? Бесконечной своей простотой, захватывающей не только физического ребенка, но и того универсального духовного ребенка, которого сохраним в себе мы—взрослые. Вглядитесь в процесс труда большого мастера не только в искусствах, но везде, где человек беззаветно любит свой труд: везде вы найдете в составе труда игру, от нее все начинается и ритмически закрепляется в мастерстве. А если у каждого живого человека сохраняется его дитя, та же гениальная игрушка непременно должна тянуть и взрослого хоть немножко опираться. Попробуйте-ка, положите возле себя книгу узене-бас, непременно потяньтесь книжки и станьте хлопать. Вот точно так же и детский рассказ должен занимать не только ребенка, но взрослого, не утратившего свою жизненную силу. Протестийский рассказ-игрушка должен, по-моему, одинаково действовать и на ребенка, и на человека взрослого, с тональным художественным вкусом.

Итак, я намечаю себе вехи для работы над детским рассказом-игрушкой: 1) натуральный коллективизм его происхождения; 2) тончайшую работу его последнего мастера.

Но, в сущности, по этому же самому плану работают все, кто, думая приступить к народному творчеству, берет за основу своей работы народную сказку. Менин, однако, народная сказка не манила его работы над ней, потому что в народе она не удашается, а, наоборот, искается в сравнении со своим начальным образом, и работать над сказкой выходит в книгах, чем с живыми людьми. Реальный рассказ-игрушка создается на наших глазах, повсюду — на улицах, в полях, в мастерских. Послушайте же повседневную жизнь: неужели художники отступают, в то время как народ и выволыгаются

¹ Рассказ о рассказах.



ДЕВУШКАМ БЫЛ ПРЕДСТАВЛЕН РАНЬШЕ ТОЛЬКО ХОР ДА ДРАМКРУЖОК. А теперь девушки можно видеть и в ансамбле духового оркестра (5), и солистками (6), даже в своеобразном женском шумовом оркестре, где инструментом является простая ербенка.



8. ДНЕМ И СТОЛОВКА ИСПОЛЬЗОВАНА для чтения газет и для бесед

КОЛДА СОЛНЦИ

Отдых

Следующий номер нашего журнала даст много интересного материала

О ТУРИЗМЕ И ЭКСКУРСИЯХ.

В номере: очерки, описания, практические советы и указания по всем видам экскурсий — речным, горным и т. д.

НА ОБЛОЖКЕ ПЯТЬ ПОДРОБНЫХ МАРШРУТОВ ПО КАВКАЗУ!

Ввиду большого спроса на журнал, необходимо заранее произвести подписку



7 и 2. ЕЩЕ НЕДАВНО т. ГОСТЕВ был типичным кулиганом.

В одном из ближайших номеров журнала будет помещен интересный бытовой фельетон «АЛЫЕ ГУБЫ»

СМОЛГАУД

Умелый отдых — большое искусство. Будем учиться отдохать

МОЛОДЕЖИ



11. НЕПРИВЫЧНЫЕ РУКИ ПРИВЫКАЮТ к непривычным вещам



3

СЛЕДИТЕ
за подробностя-
ми стрелкового
конкурса моло-
дежи в «Комсо-
мольской Правде» и в следую-
щих номерах на-
шего журнала



4



13

ИНТЕРЕСНОЕ И ЗАНЯТОЕ ДЕЛО МАШИ-
НИСТА. В клубе им. Кухмистерова обучаются
и теории (3) и практике на живом
паровозе (4)



12 и 13. МНОГО ЛОВКОСТИ И УМЕНИЯ
проявляют комсомольцы КРУЖКА ВЕРХО-
ВОЙ ЕЗДЫ фабрики «БУРЕВЕСТИК»
под руководством подиналью кавалериста.



14. ТРЕХУГОЛЬНЫЕ ДОСЧАТЫЕ ФОНАРИ
для клуба — увлекательная работа для ребят



15. В КРУЖКЕ ИЗО женщины работают
с большой охотой

(Начало см. стр. 7)

только во Вхутемасе? Художники находятся всюду, и мы только на это не обращаем внимания. А, с другой стороны, если искать чересчур усердно, с желанием найти, во что бы то ни стало, тоже ничего не найдешь. Есть особые минуты расположения к родственному вниманию, когда не только люди, но и вещи отдельно рассказывают. Я изучил себя, знаю, как надо встретить чудесного гостя, но этому я могу научить других,—у каждого по-разному бывает, каждый сам должен изучить условия, при которых являются чудесный гость и наделает таким вниманием и пониманием, что нехвастать только вопросов для ответов и желаний для осуществления. Большинство из нас в эти минуты поступает, как старуха в сказке о рыбаке и рыбке, и все кончается разбитым корытом.

Теперь я возвращаюсь к тому истоку, по которому проплыл на-днях чудесный гость в мою хижину, этот родник был, помните, в том прекрасном восприятии при ночевке у Старова: как он разговаривал на улице со своей собакой, как с ней подружились дети. И вот однажды вечером, когда я пью чай, ко мне постучались гости, и я открыл двери Старову. При его появлении сейчас же воскрепла в памяти моя семья, я насторожился к родственному вниманию. Я оченя обратился гостю, увидел его за чай, натянул пирогом и стал его расспрашивать о поздних разных птиц и редкостях. Из хищности его рассказов мне особенно понравился рассказ о чибисе, который в наших деревнях называется луговой. Когда Старов ушел, я записал его, как нату-ральную основу рассказа-изгушки, и стал егозабавлять. Прочтите этот рассказчик, не обращая внимания на поставленное в скобки, читайте, будто скобок нет вовсе, а потом я обясню, зачем я их выдумал.

Лу говка

(Легко по лесе журнали. Я плут наизнанку, в плавни краю старинной пристя: в левнечиний ден, по лесу, по реке, по болоту, по озеру). Пробежал вешиные воды. Наизнанку пахать. Мол полоса лежит в виду озера. Видят меня белые чайки, слетаются. Грачи, голки, все собираются на мой берегу клевать черни. Скопинко так иду, и мой во всем берегу чайки и черные чайки. И вдруг вспомнил один, по-нашему деревенскому лутовку, пот всплыл на ладони, пот кричит, беспокоятся.

(Самки у лутовок, очень рань садится на гнезда). Я думал, где-нибудь тут у них гнезда.

(Чай, чай, чай, —кричит чибис.

— Яю, —отвечай, —свойский, а ты чай, где гуляя, что нашел в теплых краях?)

(Окончание, см. стр. 5)

а другая привлекла к нашей стороне. Индейец насторожился. Он был сплошным вниманием. Голубой кайман почувствовал добром. Коробочка приближалась к вступу, наклоняясь, показала большую голову с синими глазами и изогнувшимися зяблыми перстами, покрытыми песком. Две сплющеные серые крылья. Кайман в этих нестак синевы и голицы, а индейец стоял на один метр от чудищины. Пасты каймана, как большей ченоаны, открылась, приготовляясь схватить приманку. И здесь произошло нечто невероятное. Молниеносным движением правой руки индейец нанес кайману один коготь в расщелину пасты чудищины. Чай-поди-быстро захлопнулся, но, увы, наполовину. Крепкая пальца вонзилась в верхнюю и нижнюю челюсть. Рука индейца и сам он теперь были вне опасности. Чем крепче кайман старался защищаться, тем прочнее вонзилась паста. Во все время этой борьбы индейец подавал синий тонастый, маленький промах или оплохность — и охота обходилась бы ценою руки, а может

(Так я разговариваю), а лошадь вдруг покосилась — и в сторону, плут вышел из борзоды. Поглядел я туда, куда покосилась лошадь, и вижу — сидит лутовка и прочно на холле лошади. И я вижу, что на холле лошади лежит яичко, чисто, как на столе.

Жалко мне стало губить гнездо: безбоязненная штица. Погляд я плут, обеи и яичко не тронул.

Дома рассказываю летищам: так и так, что плюхну, лошадь покосилась, вижу гнездо и четыре яйца.

Жена говорит:

— Вот бы поглядеть.

— Погоди, —отвечай, —будем обе сеть и лошади.

Вскоре после того вышел я сеть овес. Жена подоронит. Когда я додел до гнезда, остановился, маши журум. Она лошадь окоротила, подходит.

— Ну, вот, любопытная, говорю, пот, смотря.

Материнское сердце известно: удивишь, шоколадка ляжет беззащитной, и лошадь с борной обеи.

Так погляд я зес в этом яйце и половину оставил под картошку. Пришло время сажать. Глядим мы с женой на то место, где было гнездо, нет ничего, значит, вымыло.

С нами в поле картошку сажают узяковы. Каштанка с собачкой сажает узяковы. Погляд мы с женой на то место, где было гнездо, нахвалив. Варух, слышим, во все горло кричат чибисы. Глянули туда, а Калапана-Калапоником по лугу четырех чибисиков. Сереникие, длиннющие чибисы, как беланы, — и с хохолом, только летят еще не могут, и бегут от Каштанки на своих, да двоих.

Окна их узала. Материнское сердце известно: кричит прити, пот, кричит:

— Да, ведь, это наши.

Я кричу на Каштанку, она не слушает — говорит и говорит.

Привозят эти чибисы к воде — лягушка-бештая некуда. Ну, думаю, скакут их Каштанка. А чибисы по воде и не плавут, а бегут. Вот уж думо:

— То ли вода была холодная, то ли Каштанка еще моло и гулы, только остановился он на воде и дальше не может. Пока он думал, мы с женой побежали и отозвали Каштанку.

Вот и весь этот рассказ. Все, что заключено в скобки, это прибавил я, остальное рассказал Старов. Обратите же внимание еще раз на рассказ, подумайте, зачем я прибавил свое.

Вы вники, поняли рассказ совершенной, и я поясню еще с своей стороны. О журравлях, о птицах, идущих за сохой, я прибавил для того, чтобы яснее показать движение рассказа вместе с движением весны, оттенки интересности параллели сельскохозяйственных работ с высокими чибисами. Вторая особенность рассказа, это выявление им своятства самого Старова, замеченные мною еще во время почевки в Васильевском: там моя собака, теперь чай-поди-бы, зантересовывалась всем словом Старова. Чтобы лучше показать, что я при-

был, и яхин охорота. Кайман попался брачес в поте, но длина тела краино привязана к езии, — позвал меня Старов: «Айрап!» («Теперь-то!») Мы, выбежав из засады, помогли ему снять каймана с берега, увлекая отчима упирающегося в песок крокодила. Индейец вытащил из кубору револьвером, и я, подождав, пока каймана не вытащил, схватил оружие в глаза и артурию под левую лопатку. Выстрели, конечно, было — удачны — синие глазки медленно закрывались...

В середине дня наши лодки подвезли к белой большой индейской деревушке «Ла-Пальма».

Накупили чуть ли не сотни кокосовых орехов, и я, подождав, пока каймана не вытащил из кубору, а кокосовые орехи ползоменно употребил жажды — несколько черепах для еды, и удачными синими глазами в лодку, через несколько часов были уже у шеи нашей племянницы.

Расположились латрем почты на самом берегу Тихого океана. В эти два дня, прошедшие океана, под ногами, мы сидели на берегу, на деревьях, где мы несли охрану лодки, занимались хозяйством, боялись и купались.

сочинил разговор мужика с чибисом (— Чай вы, — Я свойский) и значительную ударную фразу: «да, ведь, это наши».

Таким образом, труд лично мой в этом рассказе состоял, во-первых, из первоначального наблюдения семьи Старова, во-вторых, схваченная мною особенность семьи Старова позволила мне так повести беседу, что Старов рассказал мне о чибисе, в-третьих, в применении моих знаний свойств птицы чибиса (чи-чи), а также народных: быт, языка, которые помогли мне сделать в литературе как бы реставрацию устного рассказа.

Прошло так немножко времени с тех пор, как я написал этот рассказ, что я не могу о нем судить: мни он сейчас очень привык. Пробовал читать понимающим людям, все они очень одобряли, некоторые были в восторге. Но нельзя вполне доверять литературным людям о детском рассказе. Ведь у нас есть целая серия детской литературы, только для взрослых. Это искусство для эстетов, но не для детей. Пробовал я читать и детям, но дети — как же разнообразная публика, как и мы: среди них тоже есть и эстеты, и лишенные вкуса. Лучший суд — это свой собственный суд, когда пройдет достаточно времени, чтобы рассказ сделался как бы написанным кем-то другим и достаточно накопился материал для оценки обращения среди читателей.

Хорош ли рассказ, или так себе, мне это неважно, потому что я знаю, что в этом пути рано или поздно я добуду желанный рассказ-игрушку, в котором звери и птицы явят нам не из страшущих по всему свету одних и тех же сказок, а из ежедневного соприкосновения с ними современного живого человека.

Огромное большинство моих сочинений создавалось на почве такой же самой, как и создается теперь детский рассказ; будучи охотником и бродягой, я постоянно спорилася с природой и земельщиками. Но, кажется, никто еще из пишущих о моих сочинениях не назвал меня крестьянским писателем. И все равно, пришло бы мне соприкнуться с производством фабричного рабочего, я оставил бы свое внимание только на тех рабочих, кто складывает свой долг в труде, на основе своей любви, которая у всякого мастера начинается игрой. Видите, в чем дело: уж очень я-то сам люблю свой труд, а через это постигаю всякий труд, все равно, земельщиков, рабочих или ученых, был бы он только не бессмысленным.

Такого мастерства птицы, какое было в этих текстах, мы никогда и никуда не видели. Особенное много было алматыров (местное название), по своему соприкосновению сильно похожих на пеликанов.

К нашему большому сожалению, всех птиц, улетавших в предместья деревни, пришлося выбрасывать, потому что способность к полету потерялась из-за болезни. Каштанка уже покончила с собиранием яиц, скакала готовить из них ужи, и предлагала несколько штук гребешкам, то они, к нашему удивлению, откладывались. На вопрос — почему? — отвечали, что не знают, можно ли их есть.

— Да ведь же мы сами говорили раньше, что птицы вкусы?

— Да, раньше же тоже так думали, а теперь не знаем.

И больше никаких обзиний.

С такой-какой-то совершенно неизвестной не-точностью и неясностью в суждениях индейцев нам приходилось сталкиваться, и это было не мало. Так, например, когда мы пришли в деревню, где мы несли охрану лодки, занимались хозяйством, боялись и купались.

В Закандуль мы возвращались той же дорогой.



БЕСПРИЗОРНЫЙ

Фото-этюд Н. М. Скрябина

СВАДЬБА „НА БОРУ“

Очерк Ф. МАЛОВА

Лесной и болотистый край Ветлужский. Маленькие, низменные поля, словно небольшие городские площади, сплошнуты наглухо лесом.

По опушке лесов засел густая грядка москвичей — строителей кирпичных домиков. О множестве белущихся деревянок: бабы обшивают кусты с голубыми изодами на сусло. Зимой вырубают из можжевеловых вехи, обтирают ими колдобинную дорогу по обе стороны.

На дороге, у самой окраине леса, гладкий основной столб с надписью: «Дорога к стекловаренным заводам Красная Звезда в Бору». Завод стоит в глубине леса на самой боковой Ветлужки, где нет ни одного клона речи с темным пристром, с пушмажевыми изодами. Ити туда — не близкий свет, но завод тянет к себе из глухих деревушек. Потянула и нас — меня, гости этих краев и целую группу деревенских комсомольцев...

Ночевать мы остановились у лесника, Михаила Федорова. Старик сидел в кресле, на один из картона призвана «Кузнец», висели от жилья — один среди глухой и жуткой разнени.

Михаил Федоров приветливо встретил нас и приготовил уху из «щурекши», потом нагрел в чугуне воды и напился чаем, приготовленным из березовых наростей. В деревне он былает не больше двух раз в год и живет только тем, что садит лобзики из леса и изера.

Ребята принесли смысла и даже обрамленный портрет Карла Маркса, который он тут же принял на стену.

— Хоть стар я, а портреты я люблю с постичем. Хорошее — устроил в рабочие — устроил и поблагодарил он, уложившись за лапоть.

Мы залезли на закопченные полати, а он начал разговор о своем прошлом.

На следующий день, к полудню, мы были уже на заводе. Еще и здания слышались гудение и звон стекла.

Вокруг, красно — бурый труба завода на многое перегородила стоящие в стороне обрывы, склонившиеся двумя этажами к зданию главной конторы. Кругом, это было огромное лесной склад, бревна, тес, штабели дров.

Думки подразумевали одно: из деревни купцы притащились к реке рабочий поселок. Перед каждым домиком густо разрослись кусты смородины и крыжовника, а в по-



зисличнических разделами гряды под огороды. На широкой чистой улице торчат штуки десять козодоев: тут же устроены и скамьи в густой аллее из раскидистых старых берес. На плоскости перед корпорусом спортивная площадка, и кругом другие здания. Все это было окружено пушмажевыми изодами. Вот и ее центральная школа, народом, читальня, больница и заходской кооператив. Нам же поспешили привлечь в день большого культурного праздника — в этот день на заводе впервые заговорил радио.

Радио — слухи

После работы домой не пошли никто. Тесной толпой окружили высокую заводскую трубу, на верхушке которой пересекли приладку антенну.

Напяли смельчак-парень, согласившийся с помощью веревки изобрести туда и присентить антенну к громотводу.

— Только награду взамен не ма-
нуешь! — в первую очередь требу-
ку высунулся, — говорил он любите-
ливо радио.

— Иши ты, какай? А не хочешь в
порядок очерьд? — жалко рабочие.

— Но только в очереди, но и по-
жребной не ма-
нуешь!

— Ну ладно, лезь. Да приде-
нь только покрепче.

Парень взобрался, как кошка, привязал себя веревкой к трубе и за стержень громотвода присо-
собил концы ленты, а потом по-
макал в самое буйство фуражками.

Ну, теперь ссызь с полой планин земной установлена!

На земле захлопала в падении и нестою.

Затем ворвали в клуб. Там уж ждал совесем приспособленный приемник.

Дальше, очевидно, слушателей колыхалось от нетерпения.

Лица тех, кому удалось стать к аппарату, ярко разгорались, а глаза блестели удивлением и радостью.

— Иши, кудо-механика! — вскрикнул Петя-ка Шашка. С самим Комаринским сблизились, с Москвой краснокорстарской! — и от удоволь-
ствия замерли вперевесе на стульях.

Между тем, очередь мало-малу подходила к концу.

— Манька, — говорят, что ли? Ай ничего не чуктур?

— Скрипит чево-то, — вспречнулась Манька. — Ровно железной скрипантану, только уж больно задыха...

Слушатели ческо там прислали к трубе! — говорят охолощенные.

— Дождется! Тут радио-слухи прошли, — говорят национально.

— Ах, антиレスная музыка! — захлебнулась по-сторону Катяша, — только вот наше подобрать неиз-
можено.

— Рояльная, либо с граммофоном?.

— Иша, в рот же музы, как складно блет, — оживилась поискал рабочий. — Алло, говорит, ало, товарищ, передает московская мощная радиостанция имени Константина... Во как!..

И, забурчавши что-то, сказал:

— Радиоколы, толпа! Чечка сидит здесь, а по-
ле обеда сюда заводить машину станут!

Но домой шли неохотно. Еще не все успели приложитьсь к заманившей трубе.

Скажи же, пожалуйста, желаем, мол, —
наставляла одна баба. Пусть мол, со всеми пошечку, из уши, а то недорывных, мол, много осталось... — ворчалася она вокруг приемника, не зная, за что ухватиться.

Оведомленный о радио парень остановил ее. Это тебе не тифионка! Ты по этой линии только пефектует.

Сотрясаясь у приемника бабы таращорили на все лазы:

— Тифу, нечистая сила, шечки! Для соблаз-
нов это... — понюхала трубку Федосья.

— Теперь, вишь, нехватах чертей-то на ка-
ждого человека, или один оканихин и собирает из людей сразу десятками.

Смотря естественно и нервально, —
сказал примазавшийся на заводе сенсант-старообразный. Разведен из М.О., а ты взы-
мешь за меня за такую огромную даль?!

Чтобы утихомирить косноязычество сомневавшихся, начернил на приемнике радио-лекцию, а сам газета «Красная звезда в Бору» открыла особый отдел о «радио-слухах».

В отделе кроме немаловатых рисунков довольно потешного содержания, в националь-
ности, написанных самими:

Из стоянки на деревне.
Ради током не сидеть.
Половину старину Терентий
В трубе дьявола искал.

Радий птица-невиличка,
Только весело поет.
И зимой не улетает,
И весной не улетает.

Красная Труба

Заводское население постепенно привыкает к этому виду современных технологий. У приемников всегда длини-
лась очередь. Но те, кто приходил из деревни, долго не верти тому, что об испытаниях про радио завтесьте.

— Сказали, скажали больше! Думашки и поверим, что тут без нечистой силы обходится...

Но потом, уходя в деревни, раз-
говаривали о заводе, на
котором можно слышать Москву
без проволоки.

Красная свальба
Для «Красной Звезды» это был
первый опыт
празднования ра-
зводов.

Они сошлись по идеи новобранец, — говорят
приподнявши носки с гордостью.

— Принесли песни новые, а то скучно будет, — сказала молодая в чайке еще на несколько дней до спадьбы.

Одна из песен, горюч, творческая. Отмыка-
ла для купальщицы попову, а в то же время
блескую народной — обдувную форму. Принесли
и народные песни и частушки. И праздник оставил впечатление, запомнился, удался, по-
том что не ограничился одно лишь официальной частью. Вот его описание.

Самый подъем у клуба галдела пестрая
толпа молодежи. Сосны откликались эхом на
игру гармонии.

ВОДОЮ, ГОРАМИ И СУШЕЙ



ИЗ КРАСНОКОШАЙСКА — В КАЗАНЬ. Кашкаев, Волгов и Буровская — члены Казанского о-ва «Динамо», прыгнувшие около 150 км на лыжах

НЕПРИВЕЛИВО ВСТРЕЧАЮТ ТУРИСТА ГОРНЫЕ ХРЕБТЫ. На каждом шагу опасность скрывается в извилине смычка. Но все эти тяжким верхом мыслью сопровождаются, эскадра несет, и впереди — горы, озера, реки, пещеры, водопады, скалы, ледники, леса, поляны, цветущие речки, живые жасмины. Закружились головы, покалычились мысли, превратятся ли в западную сказку трещицы — не смышишь и тела покрасневшие, в опасных местах веревка соединяет всех и удерживает по скользнувшемуся товарища (на-
право)!



Американская
разборная лодка на воде



Лодка в собранном виде. Всё вместе весит 25 фунтов.

Десятки тысяч молодежи и варосых организуются в группы туристов и готовятся проводить отпуска и дни отдыха в путешествиях, экскурсиях.

Рабочие Донбасса организуют летом лагерь в Крыму. «Фабзайчики» Москвы разрабатывают десятки маршрутов лодочных путешествий по Москве-реке, Оке, Клязьме, Волге.

Псковские комсомольцы зовут молодых туристов других городов посмотреть достопримечательности своего края и сами организуют экскурсии на Волховстрой и в Москву.

В путь — по рекам, через леса, горы, вдыхая свежий воздух, укрепляя мышцы, — вот здоровый отдых молодежи.



Отпуск на велосипедах.
ПЕРВЫЕ ТУРИСТЫ — РАБОЧИЕ ПОЛОЛЬСКОГО ЗАВОДА



В нашем
следующем номере
читатели найдут
много материала
о туризме и
экскурсиях

Туристы в пути
Вечерний приезд. Установка
палатки





Пришли колоны,
две, разные и самое лучшее.
Впереди и сзади
окрашенную лентами в рельмы брезузы...
Сопровождающие из деревенских
шумки чинно пели:

Не метелка в поле кручинт,
И не метелка на заре пылит,
Но метелка в поле кручинт,—
То идет в куду красна-лебава,
И юнх—милый друг с нем ридыном.
Он идет-ведет друга милого.
Ни в слаях ищут, не в горести,
Ни в обиде от родных людей.
А идут они развеселые, смешной радостью
— наполнили.

Клуб просторный мы убрем в цветы,
Песно-музыку заведем про вас.
Клуб просторный мы убрем в цветы,
Чтобы жили мы, расцветали вы,
Украини наше спаси счастием,
Чтобы жили вы, расцветали вы.

За столом, скрепленным сажей ситечкой скатерти, сидели представители яичек и замковки.
Молочные ванши на сину. Бережу посыпали в нубуз, девушки прошептали слова:

То не раза алая
С виноградом спелась,
Роза, ты роза,
Виноград зеленечий,
А яблони с цветостю
Уединяют ромашки,
Роза, ты роза,
Виноград зеленечий.

На двух гармошках и на роже заиграли Интернационал. Под музыку пели рабочие, молодые подруги ли тоже.

Красная свадьба началась.

На агитационную речь представкома о «красном единстве» и об организованной овацией молодежи — зал прогремел аплодисментами.

А потом речь жениха—ясная и короткая:
— Я с малолетства пассяцен и крепити.
Она—книгу он не честе—то же в разрез не попса. Чтобы разбудить массы, мы сошлись по красному образу товарища Ленина:

— Святство в наименши вошли,—сказала и невеста.—А при этом сядьмы всюду пишут. А мы в Семье всегда отзывались.

Песня молодежи звучала в голоса Шайки:

Ура, ура! — «Интернационал!» — песня, которую кулацами перед новобранцами... Нога в ногу, клено к плечу, они, в общем и целом, наимеши церковной колокольце жеизленый удар по крестам. Освобождение на все сто процентов от польского опухы, они высоко подняли знамя борьбы — корыстные симаги и провокатором боли!.. Да проклянута красные садебные блокады! — громогласно начали Петруньки, подтягивая сехаковые штаны.

В зале прошелся хохот.

После речей началось концертное отделение. Одним из первых и основных номеров концерта была к этому случаю приготовленная инсценировка:

На сину вышла «Религия» — в длинной черной юбке, обмотанная «путами», с коломенским крестом на груди и с арканом в руке.

Я вам цепи и оковы
Принесла, принесла.

— Запела она, кривляясь перед молодыми, и продолжала:

Чтоб свобода между вами
Не росла, не росла.
Чтобы связы вы были
По рукам, по ногам.

На борбух не выходили
С кулаком, с кулаком.

Потом предлагал женху аркан:

Хочешь,
Приступи к полу,
И жела—твой раба.
Слова великого не скажет:
Если лжимъ хватит туже...

Решение женхи предупреждает входящий «Комсомол» — но всем ярко-красном, с серым и молотом в руках. Встав в упор перед Религией, он поет:

Стой, я тебе борбух...
Я стою—погиб на-бреже
Неруничного союза.
Рабочих и крестьян...

Религия дрожит в страхе. Входит к ней на помощь «Темнота» — горбатая, драхлая, слепая:

Я ваша старая подруга,
По наследству от отцов.
Не ругайтесь, не бранитесь,
Дайте место мне, пустите...

И, обращаясь к молодым:

Жду я вашего признания,
Когда-нибудь скую я брак...

Но визитница входит «Школья» — стаяльской с золотыми фонарями в руках. Громко и отчаянно поет:

Соки сю я и познаня,
Разрушая тьму и зрак.
Целый мир дает наука
Постигать ученым, нам...

Оспеет фонарем «Тыма» и, увидав банку с приворотами, обращается к ней:

На смерть на нас встреча,
Ну-ка...

Что ты сорыла в банке так?

«Тыма» язбично тянет и отстает:
Молодые — погибают...

«Школья» — погибает банку...

Стибии, глядя на крест и путь:

Крест я... тоже и молитви...

«Комсомол», наступая на «Религию»:

Гранича час для смертной битвы...

Все тащущи, изображая «борбух», «Комсомол» — «Школья» — сплошь и быстро; «Религия» и «Темнота» пугаутся в длинных одеждах и «гнаты»...

«Комсомол» торжественно обнажает молодым:

— Эзеня-невеста, встань со своего места.
Чтоб я не ушел по новой дороге и не запутышся,
тот волок я на тебя, раба, на берегах...

Рабы серебристые на два дцата встали на две половины равнины; чтобы были им с мужем во всем равноправные.

Косу молодой расплестили не стали, но пополнила с лукомиской Аниска — подруга невесты и стала осмыть молодых хохол и полевыми цветами:

С головы до ног цветами

Мы украшены...

Подружки торжественно и весело гринули:

Вы живите радуйтесь...

В браке красном...

Аниска:

Хе-лем-ярь волосы

Мы осмылике?..

Девушки:

Страйте жизнь по-новому

Неуныши...

Аниска сплюзала молодым руки:

Радостя, расплите вы,

и в браке...

Девушки проплыли вместе с桥рами:

Да не забывайте нас

Шкоту и работу.

Молодые поцеловались, гринул Интернационал, а потом опять разгорелась пляска.

После торжества на воде, на берегах, на берегах...

На сину вышла «Ночная в ма...»

ботка...

Барызово — тихий вечер. Слонно потрохованная, скрипка виляет комары над лесом.

Где-то тот деревеня засыпает гармони и фас-
нит молодые голоса. Водух пахнет землей. Смоги.
Берега пестрят разбросанной хлаждью. Это
работы кулаекта перед началом работы.

К небольшой пристани волокут пароходные
пароходы лодки. В них возвращаются моло-
дежь с туляками, с заливных лугов противоположного
берега.

В одиннадцать пробил первый колокол. Берег
и мелек спустились. В двенадцать пробил третий
звон — рабочий на сину.

Началась выработка.

Загорелые молодые мастера работают в «гуте».

Громадица — из отгнуторого карпичка
разбросывала вокруг себя огненный дождь искр.
В круговороте видно, как клоконущий масса
стекла в раскаленной изнурке песчи нахлубы
скрытый волнистый изгиб; газовое отложение
открытое солнца.

Мастера, подрагивающие и кормящие от жара,
наивают стекло на трубки и быстро вращая
их в колодах с водой, ладони краем шари-
ки «хлана». На готовую «хлазу» быстро ставится
метка рабочего; девушки принимают их от ма-
стера и в деревенских лотках несут на голове
к «обжигательной печи».

Слепой рабочий медленно крутит лебедку
«обжигального круга», затягивая в один из кол-
одов. Каждый круг на берегу вспыхивает
и трещит изнутри обгоревшие лебеди. Трижды оборо-
тят — четырьмя гитарами, отпущенными «хлазы».

Раньше не было круга, — говорит мой
рабочий. — Хлазы складывали в печь, а в ней
не разбирая, котировали, когда падала, когда нет.
А теперь вот с кругом совсем хорошо: загружают
и разгрывают все время.

Здесь работают большие девушки. Раскладывают «хлазы» на вагонетки и везут в разводной.

В разводной печи также механический круг:
«хлазы» разворачиваются в листы, которые
главный мастер аккуратно разглядывает лепкой тросточкой. Его помощники сортируют стекло по сортам; раскладывают по ярусам вдоль всей стены.

Из разводной стекло передается эланатором
в «упаковочную», где его пакуют в новые деревен-
ские ящики. Трафареты ложат на ящики, рабо-
туют, до тех пор пока ящики не ладят: завод, борт
и размер листов.

На земле толстым слоем лежит стеклянный
шлак. Он кружит под ногами, слоями перемо-
жиком снег.

Дунно в «гуте» и жарко, жарче деревенской
бани. Жара захватывает дыхание, лицо разделяет
глаза. Сухая паховая пыль густо клубится
о машине, разрезающей «хлазы» в длину, по
дну и горло.

Мастера то-и-дело бегут на реку купаться.
Купаются, не раздеваясь, чтоб дальше не вы-
ходить за работу.

Производство трудное и изнуряющее. Поэтому
через каждые полчаса — значит, через труд-
ник — останавливается работа. Пока останавливается работа, рабо-
тчики окходят в приводном борту, ходят в Беттуге
рыбу и собирают грибы и ягоды на близлежащих
болотах.



СЛЕДЫ ДИНОЗАВРА

Повесть Н. ОГНЕВА, рис. Ю. ГАНФ

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Французский профессор-палеонтолог Дорвье едет через Москву в Монголию с целью научных исследований. В Центральной Азии в Москве скропотисто умирает помощник профессора, и профессору через посредство некого Френкеля удается найти в качестве технического помощника перепутавшегося из киевской работы комсомольца Синистуна. Отождествившись от обычного маршрута путешественников по Монголии, экспедиция, в составе профессора, Френкеля и Синистуна, направляется на монголийские приключения. Но профессор Дорвье устремленного бродячего дамы удается узнать, что где-то на северо-востоке есть «брюки». Предполагают, что речь идет о законсервированном динозавре, профессор захватывает даму с собой.

II. Синистуов и движение

Работа, собственно говоря, была, но Синистун еще с утра ушел из тиргипредства, где расположилась экспедиция, чтобы побродить по «Красному Богатырю». Нельзя сказать, что Ваську очень интересовало было и привлекало жилье в деревне, но в сущности он обратился бы, вероятно, к монгольскому «союзу революционной молодежи», не зная сказать, также, что Ваську повлекло на улицу то зевакство, которое создает обычные вокруг личного уличного проишествия толпу бездельного народа. Нет, Васька почувствовал в себе потребность в движении, потребность в смене состояния, в том своем роде самоизмене, когда все проходящее миро зрения вместе с тем проходит и миро сознания. Во дворе тиргипредства, где грузилась экспедиция в Гоби, все время толкались люди, и где приходилось подстраиваться и что-то делать даже и не по инерции, — такое состояние для Васьки было невозможно.

Наперегон вышел с монголами в остроконечных шапках, монгольским в рогатых уборах, ютаясь в убогих синих куртках и штанах, или верхолыма, синии, ослы, собаки. Училище было. Там и сям были разбросаны «хончумы» — ящички для хранения сухарей. Сот всем тела на плечах и в извилистых перекусах около хончум было большое движение. То и дело на встречу попадались небольшие отряды «цириков» — монгольских солдат, старательно печатающих шаг. Цирики были одеты, несмотря на жару, в шинели русского образца.

Кое-где в частных домах, которые бились краем фланга, в этом было пахотное революционное Но... Синистун выжал 40% из, дорогу, «погодный транспорт», и согласился в душе с секретарем парламента, который на вопрос Френкеля ответил:

— Монголия пока еще не красная. Монголия — красноватая.

В том же состоянии, самонаружа Синистуна обломок, Улан-Батор-Хотэ и сюз изменил все же, по сравнению с Москвой, он пришел в некоторое движение. Восемь суток в скромном поезде, потом автомобиль до Кяхты, затем грузовик Центрофрезка. Кусок высокогорнозаводской материи в лице Синистуна, отказавшийся было работать в Москве, иначе, как-то изменил характер его движения. Синистун, покинувший в один род инертную состоянию, попал в другой род инерции. Синистун двигался. Синистун начал даже действовать, иногда по собственной инициативе, но Синистун еще не ежил.

Активное участие в гражданской войне, в не прекращенных боях и разведках, ратный труд и боевые действия неизменно делают человека сильнее и пурпурней, цвет, иконы на голове землекоповские бесконечные переходы — как-то не заместили перешли в упорный и длительный наем дзяньольские-настойчивой учёбы, пропагандистства, организаторства, строительства, непрерывного, настырного призыва к действию других.

У в результате Синистун остался в пыльце. Пыльца эта не могла не слышаться, это было слышаться, потому что в возрасте Синистуна организму в обычных условиях приходится расстилайтесь интенсивно и собираять соки, чтобы израсходовать их потом. Может быть, следовало бы просто отправиться из мест в санаторий, чтобы восстановить жизнедеятельность, но Синистун не знал, что можно было сделать бы уехать в деревню, но... деревни никакой не было, а с санатория обстояло дело сложней, потому что из распространенного комсомольского (и можно поигнать) самолюбия Синистун не хотел быть и еж и се и обременительной для государства, чем другие. То состояние, которое пережал Синистун теперь, когда последовательно его приводили в движение неизвестный Френкель, а потом техническая работа



...В этот момент старик у стены разразился целым потоком язвенных слов...

у профессора, еще не выбило Синистуна из характерного для него за последние времена туманного и совершенно равнодушного качания на стороне в сторону, словно и не комсомолец он, и не актирист, может и не парень даже, а некое бревно на постаменте, в роде деревенских камней.

12. Товарищ «бенди»

Шатаясь по улицам, Синистун добред до окраины города, над которой на горе господствовало странное споружение — не то дворец, не то храм. Вокруг этого храма блестали на солнце золочение крыши храмиков — монументов.

¹ См. №№ 4 и 5.

Спроси у встречного русского, Свистунов^узнал, что это—Большой Ганген, ламаистский монастырь, в котором в посте и молитве пребывают 15000 лам. Вместе с тем прохожий указал Свистунову на целый табор юрт под горой, в которых живут девицы «хухены», жены лам. Так мудрые ламы блеют обезбраздия и вместе с тем утешаются с хухенами.

Нетто в это отделение любопытством мелькнуло у Свистунова. Рассоров прохаживал, Василий напрался в монастырь. Выбрав храм по имени Святого Георгия Победоносца, в доводилось большими пакостями склонять подковы на ноги, на конских окошах то тысячи лаз. Сидели они почти друг на друге, так что пройти между ними редко было никак не нельзя. Около каждого лам лежала груда узеньких карточек с письмами на обратной стороне. Каждый лама, кроме другого и начальника монастыря, былут на ней себе под нос. Одновременно каждый лама управлялся с кашей. Малчики-подростки, служители «бондза» разносили на коромыслах уши с капельками масла для температуры, чтобы не отпугнуть свою католицу. К тому, чтобы разогреть склоненные ворота карточкам и подкладывать им из лаз, которые управлялись с предыдущей порции. Так, в самозареванном, каше и моз-



Васька... прицелился, нажал затяжку, и... понесся за товарищами

литве по картонам проходило медленно, время. Ламы не обратили на Ваську никакого внимания, только один из стариков, сидевших у стены на деревянных подиумах, посмотрел на Ваську внимательно и сердито. Васька собрался уже уходить, как вдруг один из «бонди», парнишка выше Ниже Васьки, остановился перед ним, сделал низкий поклон и, указывая пальцем на КИМовский значок на Васькиной груди, сказал:

— Ты-ва-ли-са! —
И приспособил языком. Видно было, что знаком ему очень нравится, и что в нем-то как раз он и был обрадован. И я, конечно же, тоже. Васька, не зевнув дважды, снял значок и подал мне. Парнишка взял значок робко и недоверично, глянул на Ваську, приложил значок к своей груди и, на отважный Васильевыи кивок, вдруг закашлялся, заулыбался, и даже с неведомой силой хотел погладить Васькину руку, но этот момент пропал у него из памяти, и он, потерявший словесную речь, попытался, ругаясь, парнишку подбодрить и старику, учищенно подал ему значок, бросил значок на землю и расстолкал его ногами. Васька облизнулся, хотел было тут же выдрать стариков щуплем, но вспомнил, что старик — герой Красной Армии, и решил, что ему нечеловечно вступать в бой из-занички со всей тысячи раз. Поэтому Васька повернулся и пошел вон из храма. Уже во дворе еле донесли до него же самые «фонды» — помалки-таки. Васильеву

— Стой! — закричал вдруг Свистунов, остановившись, — и шедший навстречу одногорбый берлод шарахнулся в сторону. — Стой! Поймай! Ясно: ведь, вся эта тысяча там, в храме, занималась тем же, че́м и я: самосозерцанием.

Когда Васька явился во двор торгпредства, оказалось, что экспедиция выступает в Гоби занята утром. Профессор, казалось, ходил не по земле, аносился по воздуху: он был на пороге осуществления своих великих задач.

— Отец еще знает, — сказал Френикель, отзовясь Ваську в сторону, — и я ему не говорю пока, что мы не покроем эти сундуки синя, лама, который у нас вчера вышел про дракона и юного героя мы несумненно замечательно занялся с собой, сегодня

13. Яйцо Дормье завра

Изредка впереди возникали миражи: какие-то пагоды со слегка позолоченными крышами группы деревьев и озера. Самое главное—озера. Безводье Гоби, в раскаленном, дрожащем воздухе путешественников манила ровная, спокойная

Природу на маленькой монгольской лощадке ехал впереди всех. Его геологический молоток был всегда при нем. То и дело профессор отъезжал в сторону от каравана, пробовал породу, рассматривал сланец, гнейс, кусочки гранита.

Френкель, несмотря на жару, был всюду. Он подбодрял устававших проводников, помогал про-

фесору копаться в породах, скотял Ваську подмышиками, когда тот задумывался, и даже на животных действовал ободряюще.

Васька очень хотелось отдельться от острых притч и сказок, но не знал, как это можно сделать в Узком Батыре: не первое никак не мог спариваться с бабой. Иногда он удалялся от экспедиции и совершенно один верхом на своей лошади, не лошади часами двигался по безлюдной почве, стараясь только не терять караван из виду. В раскаленном воздухе воробыши, ложки, люди казались серо-желтыми, тающими в солнечных лучах.

На одном из привалов, у колодца, когда люди и животные напились, обсежались, стали располагаться на ночлег, профессор поднял палец кверху.

— Здесь проходил Козлов, — торжественно сказал профессор. — Несколько лет назад два гола в матче с «Спартаком» принесли ему славу, а также палеонтологические открытия! Он нашел массу костей ископаемых, среди них несколько яиц, снесенных динозаврами, за много сотен лет до нашей эры. В некоторых яйцах оказались окаменевшие зародыши. Это — чарлтонский загадочный мир, профессора Чарлтонского университета, который не может быть забыт! И мы стоим на пороге величайших открытий! Недалеко отсюда проходит Великая Китайская Стена. Впрочем, она уже давно разброшена, разрушается, и вероятно, что даже на протяжении

пятисот километров мы не встретим человека... На другой день Вальсака, по обыкновению, отстав от экспедиции, ехал, глядя в землю. То-как-то приходилось въезжать на холмики, покрытые редкой, солнцем опаленной раститель-

ностью и сбежать с них. На одном из холмиков Васильки лошадь споткнулась. Васька слез с лошади, вгляделся в препятствие—профессор просто забыл об этом. И тут же на него снизошло счастье: он увидел предмет—и разглядел нечто в виде кротонной губки. Сбросив плащ, Васька опустил под руку твердое, каменное. Об牢牢 кругом почуя, Васька обнаружил странной формы огнеподжигательный предмет, никак не меньший метра в длину и полметра в ширину. Предмет оказался настолько тяжелым, что Васька самостийно поднять его не смог. Васька догнал караул, позвал проводника и вместе с ним доставил предмет профессору. Профессор сделал распоряжение остановиться, долго обнюхал предмет, молотком постучал, а потом, сняв с головы шляпу, вручил ей на плечо и торжественно сказал:

восхищением открытия Эндрюса! Вы нашли величайшую яйца динозавра, которое узнат научный мир! Но яйца, открытые Эндрюсом, не превышают 30—40 сантиметров в длину. Поздравляю вас! Вы нашли яйца динозавра, может быть, до сих пор неизвестной науке породы. Вы нашли д о р м ѿ с а з а р !

Яйцо было гладким, запаковано и погружено из одного из верховьев. Экспедиция долго копалась на месте находки, нашла еще пару костей динозавра, что подтвердило правильность предположений профессора.

14. XXII XVIII

... И снона—тающий, раскаленный воздух, медленные верблюды, пески, пригорки, изредка миражи потеки перед сонными глазами пуще-стеников. Френкель и проводники постреливали в дроф, в тарбаганов, в маленьких степных куропаток. Профессор неуемно и настойчиво долбил молотком все встречавшиеся камни.

КАК УСТРОИТЬ ПРОСТОЙ И ДЕШЕВЫЙ ТИР

В. АЛКАЛАЕВ

Наличие удобного места для стрельбы является одним из необходимых условий для развлечения стрелкового спорта. Построить специального тира стоит довольно дорого и не под силу строевым сектам и кружкам юношеских спортивных клубов не много. Между тем в городе и деревне можно с небольшими затратами оборудовать небольшие удобные тирсы, которые дадут полную возможность проконтролировать обучение из малокалиберной винтовки и револьвера и подготовить стрелка для серьезной боевой стрельбы.

Как же устроить простой и удобный тир? В го-

ревенчатую стену и промежуток между капитальной стеной и деревянной защищать пеком или мелом гравием. Расстояние (чертеж № 1) между капитальной стеной и деревянной должно быть 75—100 см, а между деревянной и стеклом 75—100 см. Толщина стекла должна быть 7—10 см. На эту стену должны нащепываться съемные деревянные щиты, размером приблизительно 1 м × 1 м и толщиной в 5—6 см. Такая стена полностью предохранит от малокалиберных и револьверных пуль.

Заполнить стену можно и проще, без замыслов, только досками (толщина досок должна быть не менее 10—12 см). Но полного предохран-

ия тира шириной 4—5 метров, вполне достаточно двух ламп по 100 свечей, которые должны быть расположены сзади стрелков.

Устройство вентиляции
очень важно, так как продукты горения пороха вредно влияют на здоровье. Вентилятор необходимо ставить как раз перед линией огня по направлению к линии мишени, чтобы все пароходные газы сразу же выносились вентилятором наружу.

Полезно еще устроить хотя бы простейшее отопление, чтобы подвал не было слишком холодно зимой.



Лучше всего, если линия мишней будет упираться в высокую стенку ограды, вымытый обрывистый берег реки. Высота этого здания, при дистанции стрельбы около 25—30 метров должна быть не ниже 12—15 метров, при более значительной дистанции и высота здания должна соответственно увеличиваться.

Бойницы

Если такого здания нет, то необходимо принять известные меры предосторожности. Самым действительным средством будет постройка двух стенных секторов, в которых можно будет использовать выпущенные пули. Строятся эти башни следующим образом. По линии огня строится досчатая стена, в которой устраиваются бойницы, (по числу стрелков) для стрельбы из положения стоя, сидя или с колен и лежа (чертеж № 2 и 3). На каждой бойнике, кроме отверстия для стрельбы, имеется щель для выстрела из дробовика. Вторая стена с заборами. Во второй стене просыпаются для устройства тира ограды, щели, пещерные и т. п. т. д.

Построить тир в деревне значительно труднее, потому что в деревне нет подвалов и нет обычно электричества, поэтому, когда мишень будет воспроизводиться из света рефлекторами, хотя бы из жести (надо при этом следить, чтобы рефлекторы не давали бы блесков и пятен), и должна быть защищена от попадания в них пуль, даже при случайных и неизвестных обстоятельствах. Поэтому лампы должны быть прикреплены к линии огня или выступами полотна (в некоторых подвалах такие выступы имеются), или прищипами к потолку толстым бревном, или бруском.

Директорисса, т. е. направление стрельбы должна быть рассчитано

таким образом, чтобы обеспечить полную безопасность от случайных и неверно направленных выстрелов.



быть этой стеной перекрыты (чертеж № 3 и 4).

Все размеры и толщина стен дадут здесь для м/к винтовок.

роде, особенно большим, промысленным, этот вопрос разрешается довольно просто. В таком городе почти всегда можно найти достаточно большое место для стрельбы. Тир может быть построен на полуширину тира, ширина не менее 4½—5 (42 шага), ширина не менее 4½—5 метров. В таком тире смогут одновременно стрелять 4—5 человек. Минимум, что на три человека, тира строить не стоит.

№ 2 —

Освещение тира
должно быть разнообразным, чтобы все виды боев были достаточно ярко и разнообразно освещены. При тире шириной 4—5 метров и длиной 25 метров для этого необходима сила света в 1200—1500 свечей, которые должны быть распределены между несколькими лампами, самое лучше по 150—200 свечей каждая. Лампы, долбленые фонари, должны быть снабжены для усиления света рефлекторами, хотя бы из жести (надо при этом следить, чтобы рефлекторы не давали бы блесков и пятен), и должны быть защищены от попадания в них пуль, даже при случайных и неизвестных обстоятельствах. Поэтому лампы должны быть прикреплены к линии огня или выступами полотна (в некоторых подвалах такие выступы имеются), или прищипами к потолку толстым бревном, или бруском.

Помимо света на линии мишней, необходим и свет на линии огня. Тут

директорисса должна быть рассчитана

Стена саморезурами

Чтобы приспособить подвал под тир, нужно, obviously, сделать три вещи: защитить стены от разрушительного действия пуль, провести освещение и устроить вентиляцию.

Защита стен от пуль
Перед капитальной стеной нужно построить деревянную, досчатую или

Через три месяца после выезда из Москвы Васька Синявин занесли далеко позади ровную землю, уходящую вдаль линии... Острые миражи... синон подумал Васька.

— Китайская стена! — додрогнул был Френкель. — Да самого чигана дохлая, и не заметил?

— Китай! — охмелел и Васька, — и китайская земля... Впереди за все свою историю проснулась четырехмиллионная страна и делает отчаянные попытки освободиться от векового рабства... Эх, ударились бы в гражданскую войну, что ли?

И Васька вспомнилась пробитая пулой бутылка, висевшая на гвозде в его скромной комнате на Благуше.

И словно в ответ на Васькины мысли — mismo него слабо свистнула и зарылась в песок пуля на излете.

— Френкель! — удивленно сказал Васька. — Что за чорт, пуль?

— И вторая за нее! — подхватил Френкель. — Кто это нас за дроф принял?

Притянутые оштормились кругом. Волнистая линия стены, редкая желтая трава, да ряд хол-

миков на горизонте и впереди караван... вот все, что можно было видеть. В это время скрещи донеслись крики, грохот.

Васька ударился о землю, сжал в руках кирзовые края и крикнул:

— Револьвер-то у тебя заряжен? — кричал Френкель, едва послышав за Синявином.

— Ху-хуах! — хуахуах! — кричали проводники-монголы, соксаканы с лопаткой и верблюдом и ложась на землю. Пули сантаги крутом, издалека слабо потяжело выстрели.

— Почекум их, однако, не видно! — наприкуску думал Васька, а сам чувствовал, как в нем загорается кровь.

— Погоди, чорт, — кричал Френкель, — ползут за мной! Надо бросить багаж и верблюдов и искать надежное укрытие... — Профессор, профессор, нужно спасаться!

Профессор с сожалением глядел на верблюда, на горбе которого так ужто было пристроено ящичко сухих хлебных динозавров.

— Да бросьте, они не возьмут, спасаться нужно... — прокричал Френкель. — Скорей, они и нас берут на музыку.

И, схватив под уздцы лопатку профессора, Френкель поскакал вперед, к Великой Китайской

стене. Бессфордской! толой в том же направлении бежали и скакали проводники. Оставшиеся на месте верблюды беспокойно гонтались и озирались кругом.

— Лапы бы до Стены добраться, там они нас юзуют не возьмут! — обернувшись, крикнул Френкель Ваське.

На Ваську не торопился. Он весь присунулся к западине и, склон в руках бручината и сломя игрую опасностью, выскользил мишины. Мишины не замедлили показаться. Из-за линии холмов вынырнула начальная один недавний, потом другой. Оба постояли на месте и с ними и уловлющим движущим влагоноку беглецам. И тотчас же, словно из под земли, выскользили из-под земли и мишины с стрелами на холм, стояли прислонившись к Ваське. Васька всхлипнул, с изобилем, приселася, нажал гантели, и потому не глядя, ударил ногами бока лопатки и понесся за товарищами.

Солдаты смикались узловидными и слабо потягивали выстrelы. Впереди медленно, но верно, вспыхнули заинееные пеком зубчатые развалины когда-то грозной Китайской Стены.

(Продолжение следует)

ШАШКИ

9005

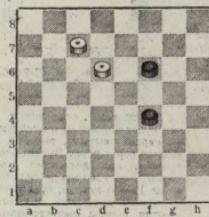
Под редакцией В. В. Медкова.

Этюд № 1

А. К. Мишин (Сергнев)

Печатается первые

Черные



Белые

Белые: пр. c7, d6

Черные: пр. e4, f6.

Белые начинают и выигрывают.

Фамилии товарищей, приславших правильное решение, будут напечатаны.

Основные понятия о шашечной партии

В шашечной партии различают три части:

A) начало или дебют, B) средину и C) конец партии.

Дебют обозначает от двух до 5—6 начальных ходов белых и черных. Разыгрывая его, стороны стремятся возможно быстрее развить свою силу, захватить наиболее выгодные пункты

для нападения и защиты и наилучшим образом приготовиться к предстоящему решительному бою.

Выдающиеся русские любители неоднократно поработали над правильной постановкой игры в дебютах. Благодаря их усилиям, мы имеем теперь целую ряд задач, которые охотно разыгрываются сильнейшими шахматистами и за которыми утверждались свои собственные названия. Приводим наиболееходовые.

1. Городская партия

1. c3—d4, d6—c5; 2. b2—c3 (или d2—c3), f6—g5; 3. g3—f4—e1—c1, d4—d5; 2. c3—b2—c2, b5—h4; 4. b4—d5; 5. c2—b3.

Партия с этим началом, рапидно и спланированно, была особенно разработана и употребительна среди московских игроков в той части столицы, которая носит название «Китай-город» или просто «города».

2. Обратная городская партия

1. c3—d4, f6—e5; 2. e3—f4, g7—f6 (или e7—f6); 3. b4—ab, f6—g5; 4. b2—c3, g5—e3; 5. d2—f4; 1. c3—b4, b6—c5; 2. b2—c3, f6—e5; 3. e3—f4, g7—f6.

Ходы черных в этом дебюте подобны ходам белых в городской партии.

3. Центральная партия

1. c3—d4, d6—e5; 2. b2—c3, f7—d6 (или e7—d6); 3. g3—f4, f6—g5; 4. c3—b4.

Для этого начала характерно продвижение на втором ходу черных пешек с7 или с7 к центру.

4. Перекресток

1. c3—d4, d6—e5; 2. b2—c3, e7—d6 (или e7—d6); 3. c3—f4.

После этих ходов на доске получается фигура креста.

5. Обратный перекресток

1. c3—d4, d6—c5; 2. b2—c3, e7—d6; 3. g3—h4, d5—e5.

6. Коньки

1. c3—b4, f6—g5; 2. g3—h4, b6—c5. По аналогии с азбукой в с-б6 генер получается как бы фигура конька.

7. Кон

1. c3—d4, b6—a5; 2. d4—b5, d6—b4; 3. a3—f5. Дебют носит старинное народное название: здесь шашка с5 стоит колом на путях черных.

8. Обратный кон

1. c3—b4, f6—e5; 2. g3—h4, e5—f4; 3. c3—g5, b6—f4.

9. Игра Петрова или по уголкам

1. g3—h4, b6—a5; 2. f2—g3, c7—b6, 3. c3—f4, d6—c5.

Это начало исследовал известный русский шашист (ум. в 1867 г.) и составитель первого нашего руководства по шашкам А. Д. Петров. Наставляем дебютом очень скотно играют все начинающие.

(Продолжение следует)

Обращаемся с просьбой ко всем товарищам, интересующимся шашками, присыпать материал для отдела (партии, этюды, задачи, сведения о шашечной жизни на местах).

Для оживления отдела необходимо самое деятельное сотрудничество читателей.

Письма направлять в шашечный отдел «Смены».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОЛОДАЯ



ЦК ВЛКСМ
ГВАРДИЯ"

НОВЫЕ КНИГИ:

Чаплин, Н. и Бобрищев, И.—В полосе культуры. Вопросы политики и культурно-технического комсомола.

Содержание: 1. Основные вехи в развитии комсомола. 2. Почему мы за культурно-техническое и за какое культурно-техническое. 3. О больших и малых ошибках. 4. Политика и «культурно-техническое» в практике нашей работы. 5. О методах нашей работы. 6. Вокруг гармоники.

110 стр. Ц. 50 к.

Штейн, И. и Потапов, Н.—Всесоюзная перекличка. Год работы комсомола в новых условиях.

Содержание: Ханин, Д.—Всесоюзная перекличка. I. Как мы организовались. II. Производственное воспитание молодежи. III. В борьбе за новую деревню. IV. Вопросы быта и культурного досуга.

177 стр. Ц. 1 р.

Школовский, В.—Техника писательского ремесла.

Содержание: Введение. I. Газетная работа. II. Сюжетная проза. III. Выбор и разборка сложной прозы. VI. Развертывание произведения. V. Несколько слов о стихе. Заключение.

72 стр. Ц. 50 к.

Насонов, Н.—Китайская молодежь в революционной борьбе. С 15 иллюстри.

80 стр. Ц. 50 к.

Верховцев, К. и Масс, В.—Похождения Спичкина. Комсомольские водевили («Комсомольский театр»).

40 стр. Ц. 35 к.

Каманин, Ф.—Змей огнистый. Повесть.

128 стр. Ц. 75 к.

Каринцев, Н.—Тайна двух материков. Приключения в Африке и Азии. С 24 рисунками.

Содержание: Часть первая. В серии Африка. Роман-приключение в странах Женевы, Мурзинки. На краю гибелей. Среди туб. Бегство из западни. Чрез пустыни. У африканского пластильни. В африканской Столице. Митечонийские пустыни. В пылу гражданской войны. Возвращение. В сердце Судана. Африканский тирас. Советская Африка. Погромы зомби. Обратный путь. Часть вторая. Путешествие Слона Гедина. На Восток! Победители гор. Землетрясение в Японии. Всё вода. На встречу гибелей. Спасение. На пути в Тибет. На эзомске. В запретной стране. В окладе странников.

223 стр. Ц. 1 р. 50 к.